

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. печ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонимара,
считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 Апрелья.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ реформѣ устава Театральнаго Общества.—Какъ и слѣдовало ожидать.—Эпологи къ «Горю отъ ума» и «Ревизору» (окончаніе). *А. Измайлова*.—«Изъ прежнихъ дней», стихотв. *А. Петровскаго*.—Хроника театра и искусства.—*Э. Пальеронъ*. *Ник. Неирова*.—«Прекрасная Елена» въ траурѣ. *А. Л-ва*.—«Круча» (продолженіе). *А. Дья-*

№ 16.

нова.—Заграницей.—Провинц. лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки: «Лиръ» (3 рис. *Н. Левашева*).—«За кулисами».—«Робеспьеръ» на сценѣ «Лицеума».—«Великопостные концертанты».—Портреты *М. Г. Савиной*, *П. В. Самойлова*, *Пальерона*.

Принимается подписка на 1899 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и 2 руб.
1-го іюня.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

С.-Петербургъ, 18 апрѣля.

Продолжаемъ обсужденіе проекта новаго Устава Театральнаго Общества, причемъ возвращаемся къ вопросу о той группѣ членовъ, которую едва ли удачно проектъ называетъ «членами-соревнователями».

Параграфъ 8 устанавливаетъ слѣдующій порядокъ вступленія въ число членовъ-соревнователей: требуется рекомендація не менѣе двухъ членовъ Общества и избраніе закрытою баллотировкою не въ общемъ собраніи членовъ, какъ принято во всѣхъ обществахъ, но въ собраніи Совѣта Общества. Параграфъ 9 устанавливаетъ тотъ же порядокъ для членовъ корпорации сценическихъ дѣятелей, которыхъ проектъ называетъ уже «профессиональными сценическими дѣятелями». Замѣтимъ, во-первыхъ, что это—неточность редакціи. Параграфъ 4 устанавливаетъ группы «членовъ-соревнователей» и «членовъ Общества сценическихъ дѣятелей». Слово—«про-

фессиональные», поэтому, недостаточно ясно, и можно думать, что артисты, не состоящіе въ корпорации, составляютъ еще третью группу.

Дѣло, однако, не въ случайномъ редакціонномъ недосмотрѣ, но въ самой тенденціи параграфовъ 8 и 9, которая представляется намъ неправильною. Всякое общество, дѣйствующее въ предѣлахъ устава, представляетъ, такъ сказать, въ модели договорную группу—нѣчто вроде «Contrat Social» Руссо. Совѣтъ правитъ дѣлами по порученію общаго собранія, и источникъ власти одинъ: постановленіе общаго собранія. Только этому общему собранію и можетъ принадлежать право избранія новыхъ членовъ. Надъ совѣтомъ неизмѣнно предполагается власть общаго собранія. Постановленіе проекта вводитъ другое начало, что не членъ общества, какъ частица цѣлаго, есть источникъ правомочій, но что, наоборотъ, совѣтъ сообщаетъ гражданскія права избранныкамъ. Это—теоретически совершенно неправильно. Если совѣту можетъ принадлежать цензура при выборѣ новыхъ членовъ, проверка ихъ формальныхъ правъ на избраніе и ихъ нравственной добросовѣстности въ извѣстныхъ случаяхъ, то единственно законною избирательною властью является только общее собраніе. Практически же вводимое проектомъ правило могло бы имѣть такой видъ, что совѣтъ избираетъ въ число членовъ только лицъ ему удобныхъ, которые, конечно, снова подтверждаютъ его полномочія.

Безъ сомнѣнія, члены многихъ обществъ относятся не всегда съ достаточною осмотрительностью къ выбору новыхъ членовъ, хотя предварительная цензура комитета въ такихъ случаяхъ можетъ оказать весьма значительное вліяніе на составъ новыхъ членовъ. Но способъ избранія новыхъ членовъ, устанавливаемый проектомъ, нельзя не признать

слишкомъ сильнымъ и идущимъ въ разрѣзъ съ установившимися обычаями и съ основами истинной правомѣрности. Въ то же время, если предположить въ Обществѣ борьбу партій, это можетъ привести къ извѣстнымъ нарушеніямъ безпристрастія и повлечь насильственную неподвижность состава Общества.

Еще опаснѣе въ этомъ отношеніи параграфъ 23 устава. «Въ члены совѣта, гласитъ онъ, — могутъ быть избираемы лишь тѣ члены Общества, кои внесены въ списокъ рекомендуемыхъ Совѣтомъ, въ двойномъ числѣ (противъ) вакансій, кандидатовъ на баллотировку». Такого рода постановленіе, устраняющее право общаго собранія избирать лицъ свободно, изъ числа тѣхъ, которыя представляются ему пригодными, замѣняющее право выбора скорѣе правомъ одобренія, встрѣчается не рѣдко въ уставахъ различныхъ обществъ, и имѣетъ за собою опытъ жизни. Тѣмъ не менѣе, признать желательнымъ подобное начало едвали возможно. Двойной списокъ кандидатовъ весьма часто означаетъ лишь то, что изъ двухъ зонъ приходится выбрать меньшее. Это правило ставитъ серьезныя препятствія притоку свѣжихъ и дѣятельныхъ силъ и въ состояніи породить самыя крупныя затрудненія въ томъ, конечно, предположительномъ случаѣ, когда Совѣтъ управляетъ, вопреки желанію управляемыхъ. Параграфъ 22, устанавливающий постепенное выбываніе членовъ Совѣта, служитъ достаточною гарантіею того, что радикальные перевороты невозможны, и что внезапнаго нашествія оппозиціи, могущей разрушить порядокъ управленія, ожидать нельзя.

Картина получаетъ характеръ крайне поучительный, если сопоставить порядокъ избранія членовъ Совѣта съ порядкомъ избранія членовъ Общества (см. выше §§ 8 и 9). Совѣтъ самъ избираетъ членовъ, и поручаетъ этимъ членамъ избирать тѣхъ, кого ему угодно. Это — близко къ диктатурѣ — «сердца», пожалуй, но зачѣмъ, вообще, диктатура въ общественномъ учрежденіи? Свободныя учрежденія тѣмъ и хороши, что обладая гибкостью и эластичностью, избавляютъ отъ нужды прибѣгать къ репрессіямъ, насилію и угрозамъ, ибо существуетъ легальный путь исправленія недостатковъ. Постановленія проекта преобразуютъ Общество въ очень крѣпкое на видъ учрежденіе. Но какъ извѣстно, желѣзо часто ломается, — сталь — никогда.

Повторяемъ наше обращеніе къ читателямъ внимательнѣе огнестисъ къ проекту устава и дѣлиться своими замѣчаніями на страницахъ нашего изданія.

Московское собраніе членовъ Общества драматическихъ писателей, какъ и слѣдовало ожидать, все передѣлало по своему, т. е. согласно съ предложеніемъ комитета и наперекоръ постановленію петербургскаго собранія. Агенты получаютъ именно часы, а не жетоны, и именно по 125 руб. часы. Очевидно, на дешевой распродажѣ члены комитета высмотрѣли цѣлую партію часовъ по сходной цѣнѣ. Именно завтракъ будетъ въ 1,500 руб. Цѣлый Лукулловъ пиръ драматурговъ. Петербургскимъ драматургамъ это, разумѣется, не съ руки, ибо не ѣздитъ же специально въ Москву, чтобы присутствовать на завтракѣ драматурговъ. Все это крайне характерно, и пищеварительная эмблема празднованія 25-лѣтія Общества плюс золотые часы (125 р., по прейскуранту) говорятъ больше о нравахъ этого оригинальнаго Общества, нежели отчеты за всѣ 25 лѣтъ.

Намъ указываютъ еще на одну назидательную подробность. Общество, не смотря на блестящее сравнительно положеніе дѣлъ, не имѣетъ собственнаго помѣщенія, и собранія происходятъ въ помѣщеніи театральнаго библіотеки Разсохина. Пользуясь гостеприимствомъ г. Разсохина, Общество естественно должно его чѣмъ нибудь отблагодарить, и думается, именно чувство признательности продиктовало контрактъ Общества съ издательскою фирмою г. Разсохина.

Эпизоды къ „Горю отъ ума“ и „Ревизору“.

(Историко-литературная справка).

(Окончаніе *).

Во второмъ дѣйствіи Хлестаковъ уже представляется пріѣхавшимъ въ городъ и остановившимся въ кабинетѣ городничаго. Развалившись на диванѣ, Осипъ обсуждаетъ поведеніе своего барина. „Финти, какъ хочешь, а поадеешься здѣсь, какъ куръ во щи“. Отъ разсужденій о цѣкотливомъ положеніи барина лакой Хлестакова переходитъ къ мыслямъ о завидности мѣста городничаго. „Едва протеръ глаза по утру, какъ уже валятъ къ нему разные народы, съ оброчною податью, — съ винцомъ, сахарцемъ, чайкомъ, иногда и денежками. Знай бери, да и только“. Случайно наталкивается онъ на записки Держиморды и другихъ служащихъ городничаго, выдающія его готовность попользоваться на чужой счетъ. На размышленіяхъ о выгодахъ городническаго положенія застаётъ Осипа приходившій къ начальнику города купецъ Абдулинъ. Осипъ выдаетъ себя уже не за слугу Хлестакова, а за его помощника и выслушиваетъ отъ купца жалобу на злоупотребленія городничаго, причемъ успѣваетъ взять отъ него двѣ тысячи рублей, якобы для передачи Хлестакову, и обѣщаетъ ему устраненіе городничаго отъ должности. Чтобы придать дѣлу законный видъ, Осипъ заставляетъ Абдулина написать росписку въ томъ, что онъ долженъ Хлестакову двѣ тысячи ассигнаціями за какую-то покупку.

Является Хлестаковъ и съ негодованіемъ громитъ ревизора, заставляющаго его немедленно представить при рапортѣ всѣ деньги, полученныя имъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ отъ жителей города. Осипъ приходитъ на помощь своему барину и, къ большому удивленію послѣдняго, выкладываетъ передъ нимъ полторы тысячи на покрытие расходовъ. Субсидія оказывается очень своевременной, такъ какъ кредиторы Хлестакова, одинъ за другимъ, вдругъ являются въ квартиру городничаго. Приходитъ судья и проситъ назадъ свою сотню, которую и получаетъ, слѣдомъ за нимъ посѣщаютъ бывшаго ревизора Добчинскій и Бобчинскій. И имъ удается получить обратно свой заемъ и удостовѣриться изъ словъ Хлестакова о томъ, что онъ приложилъ старанія къ удовлетворенію ихъ просьбъ. На вопросъ Добчинскаго, похлопоталъ ли Хлестаковъ объ его незаконномъ сынѣ, мнимый ревизоръ отвѣчаетъ,

*) См. №№ 12, 13, 14, и 15.

«КОРОЛЬ ЛИРЪ» на сценѣ театра Литературно-артистическаго Круга.

что „изъ-за него онъ во всѣхъ палатахъ исшаркалъ полы и обиль пороги“, но дѣло не кончилось потому что „высшее начальство“ не захотѣло затѣвать переписки объ одномъ сынѣ и рѣшило подождать „пока у Добчинскаго будетъ нѣсколько такихъ дѣтей“. Зато Бобчинскій получаетъ полное удовлетвореніе. Хлестаковъ сообщаетъ ему, что о его существованіи освѣдомленъ чуть не весь сановный Петербургъ. „Въ тотъ же день, какъ пріѣхалъ, говоритъ Хлестаковъ,—я всѣмъ и рассказалъ это—даже министру. Онъ отвѣчалъ: „Я давно знаю, что Бобчинскій тамъ живетъ, и очень живетъ, чрезвычайно живетъ“.

Иного рода разговоръ происходитъ у разоблаченнаго мистификатора съ Земляникомъ и почтмейстеромъ. Грубый и беззащитный попечитель богоугодныхъ заведеній начинаетъ говорить Хлестакову дерзости съ первыхъ словъ и, вдругъ, раздражившись, именуетъ его негодяемъ и грозитъ ему тюрьмой. Сообразивъ, что, если всѣ кредиторы явятся за своимъ долгомъ, то онъ окажется нищимъ,—Хлестаковъ неожиданно мѣняетъ тонъ, представляетъ себя Земляникъ жестоко оскорбленнымъ и требуетъ удовлетворенія. Осипъ, по его приказанію, закрываетъ дверь на ключъ и оскорбитель остается одинъ на одинъ съ мстителемъ. Попечитель мѣняетъ обращеніе и сдается. „Помилуйте, Иванъ Александровичъ, сдѣлайте милость, извините мою горячность. Это, право, у меня въ крови, я лечусь отъ этого“. Хлестаковъ долго не смягается и во что бы то ни стало хочетъ застрѣлить своего обидчика. На замѣчаніе Осипа, что пистолеты въ чехлахъ, онъ въ азартѣ говоритъ: „все равно, подавай какъ есть. Пуля и чехоль пробьетъ“. Только когда Земляника падаетъ на колѣни, Хлестаковъ соглашается простить его подъ условіемъ не требовать съ него долга и дать ему росписку заднимъ числомъ въ займъ двухъ тысячъ рублей. Подобнымъ же образомъ ведется сцена разговора съ почтмейстеромъ, котораго столичный гость запугиваетъ тѣмъ, что

онъ помощникъ настоящаго ревизора и предастъ его суду за утрату его письма къ Тряпичкину. Финалъ настоящей сцены точно такой же, какъ и въ предыдущей.

Встрѣча Анны Андреевны съ Хлестаковымъ, не смотря на разочарованіе жены городничаго въ высококомъ положеніи гостя, въ высшей степени дружественна. Неравнодушная къ мнимому ревизору городничиха откровенно признается, что „съ нетерпѣніемъ ждала его пріѣзда“. „Признаюсь, заявляетъ она,—вы мнѣ съ перваго раза понравились. Я тогда же сказала мужу: вотъ любезный кавалеръ, видно, что петербургскій“. — „Да, соглашается Хлестаковъ,—наши петербургскіе кавалеры какъ-то умѣютъ нравиться всѣмъ дамамъ“. По прежнему гость Дмухановскихъ напропалую ухаживаетъ за Анной Андреевной, говоритъ ей комплименты, ранѣе проситъ ея согласія протанцовать съ нимъ котильонъ и въ заключеніе получаетъ подтвержденную ея мужемъ просьбу располагаться, какъ дома, въ той самой комнатѣ, въ которой жилъ прежде. Хлестакову остается только благодарить за любезность и предупредительность.

Непропорціонально маленькій третій актъ пьесы переноситъ читателя на вечеръ, данный городничимъ. Анна Андреевна бесѣдуетъ съ своимъ будущимъ женихомъ о „настоящемъ ревизорѣ“, съ которымъ она горитъ желаніемъ познакомиться. Рулевъ, выдающій себя за стараго знакомаго Проводова, сообщаетъ ей нѣкоторые отрывочныя подробности, слегка иронизируя надъ устарѣвшею кокеткой. На вопросъ городничихи, такой ли онъ человекъ, какъ всѣ, Рулевъ загадочно отвѣчаетъ, что не всѣ ревизоры одинаковы. „Есть такіе, у которыхъ одинъ глазъ меньше другаго и носъ поперегъ лица“, впрочемъ, замѣчаетъ, что Проводовъ не дуренъ и совѣтуетъ ей слегка интриговать и его, какъ и Хлестакова. Условившись затѣмъ ожидать развязки бала въ залѣ и предупредивъ будущую тещу не объявлять ранѣе объ его присутствіи, герой комедіи скрывается.

Картина мѣняется, и предъ зрителемъ проходитъ сцена бала. Въ залѣ, наполненной гостями, фигурируютъ Хлестаковъ, смотритель училищъ съ женой, судья, Земляника, почтмейстеръ, Добчинскій съ неотдѣлимымъ отъ него Бобчинскимъ, уздный лекаръ частный приставъ и квартальные. Хлопочутъ городничій съ Анной Андреевной и Марьей Антоновной, старающіе оживить гостей; въ углу толпятся любопытствующіе изъ прислуги, въ томъ числѣ Осипъ въ своемъ поношенномъ сюртукѣ.

По окончаніи танцевъ, слуга городничаго докладываетъ ему о приходѣ секретаря ревизора, и послѣдній немедленно появляется на сценѣ. Заявивъ, что, къ сожалѣнію, Проводовъ по болѣзни не можетъ быть на вечерѣ, онъ высказываетъ желаніе передать новобрачнымъ подарки его превосходительства — фермуаръ невѣстѣ и часовую цѣпочку жениху. Оробѣвшій городничій отказывается принять лестныя подношенія, и секретарь предлагаетъ въ такомъ случаѣ лично передать ихъ молодымъ. Марья Антоновна отправляется за Рулевымъ, а гости выстраиваются и съ бокалами шампанскаго ожидаютъ его прихода.

Подъ руку съ своею женою выходитъ изъ сосѣдней комнаты Рулевъ и гордо кланяется обществу. Моментально узнавшій его Хлестаковъ выпускаетъ бокалъ изъ рукъ и съ изумленіемъ восклицаетъ: „Ваше превосходительство!“ Общее изумленіе высказывается въ цѣломъ рядѣ недоумѣнно-растерянныхъ восклицаній. „Вотъ что называется, изъ огня да въ полымя“ (Хлопочъ), „Я это угадалъ съ перваго взгляда, по физиогноміи“ (Лекарь), „Пропали наши головушки!“ (Земляника). Съ тѣмъ же удивленіемъ задастъ и Анна Андреевна вопросъ Проводову, ужели и въ самомъ дѣлѣ онъ ревизоръ, и Рулевъ—Проводовъ высказывается въ длинномъ монологѣ, являющемся эпилогомъ комедіи.

Проводовъ открыто объявляетъ себя ревизоромъ, иронически замѣтивъ женѣ городничаго, что „не у всѣхъ ревизоровъ носъ поперегъ лица и одинъ глазъ меньше другого“. Онъ, дѣйствительно, то лицо, которому назначено возстановить въ городѣ порядокъ, „ниспровергнутый гнуснымъ злоупотребленіемъ власти“. Не трогаясь съ мѣста, ему удалось возстановить истину, изслѣдовать козни и взвѣсить гнусность поведенія чиновнаго мірка. Всѣхъ слѣдовало бы отдать подъ судъ, но онъ ограничивается однимъ Земляникомъ, „который, начальствуя надъ богоугодными заведеніями, ежедневно гнѣвитъ Бога противозаконными поступками“. Судьѣ, смотрителю училищъ и почтмейстеру предлагается немедленно подать прошенія объ отставкѣ. Въ качествѣ начальника Хлестакова, Проводовъ рѣшаетъ опредѣлить его „подпрапорщикомъ въ одинъ изъ дальнихъ армейскихъ полковъ“, съ цѣлью подчиненія военной дисциплинѣ; въ качествѣ же частнаго лица старается „очистить статью своей помолвки“ съ его бывшею невѣстою. Для отказа Хлестакова, Рулевъ считаетъ достаточнымъ его собственныя слова въ письмѣ Тряпичкину, что матушка нравится ему больше дочери и что онъ „имѣлъ постыдную цѣль обольстить

ту и другую“. Еще болѣе очищаетъ его совѣсть тотъ фактъ, что онъ любилъ дочь городничаго и пользовался ею взаимностью „гораздо прежде еще, нежели Хлестаковъ пріѣхалъ“ въ городъ.

Рѣшеніе судьбы городничаго довольно мягко, вслѣдствіе вліянія родственныхъ чувствъ, начальника. Онъ отрѣшается отъ должности съ правомъ черезъ пятилѣтній срокъ снова претендовать на службу. „Эти пять лѣтъ, говоритъ Проводовъ,—проведете вы съ Анной Андреевной въ моемъ имѣніи, въ Бессарабинъ, въ глуши, гдѣ вамъ не съ кого будетъ взятки брать, а ей не съ кѣмъ кокетничать“. Обоймъ имъ поручается завѣдываніе имѣніемъ и отъѣздъ ихъ предполагается на другой день послѣ свадьбы. „Въ заключеніе, заканчиваетъ настоящій ревизоръ,—желаю, чтобы сыграннымъ мною теперь комедія служила продолженіемъ той, которая уже сочинена на счетъ г. Хлестакова и которая такъ забавно ознакомила петербургскую публику съ провинціальными взиточниками и столичнымъ вертопрахомъ“.

Какъ художественныя произведенія, двѣ разсмотрѣнныя пьесы представляются не превышающими уровня посредственности. Родственность пьесъ съ замѣчательными созданіями двухъ виднѣвшихъ представителей русской драматургіи могла только повредить имъ въ ихъ оцѣнкѣ. Ни та, ни другая не имѣла правъ на особенное вниманіе современниковъ, и ихъ появленіе ничѣмъ не отмѣчено въ лѣтописяхъ литературы. Пьеса Растопчиной скорѣе могла бы произвести впечатлѣніе своею памфлетическою подкладкой, чѣмъ литературными достоинствами, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ она вызвала извѣстный эффектъ и въ нѣкоторыхъ персонажахъ ея были усмотрѣны черты сходства съ героями жизни. Скудость интриги и развитіе сатирической части въ ущербъ художественности и единству комедіи мѣшали послѣдней быть интересною вещью, способною доставить эстетическое удовольствіе читателю. Въ комедіи могли только нравиться детали и довольно тщательно отдѣланная внѣшность,—звонкій и непринужденный стихъ, вычеканенный рукою опытнаго мастера. „Настоящій Ревизоръ“ не имѣлъ даже и этого маленькаго шанса на вниманіе публики, а слишкомъ уже скромныя литературныя достоинства его едва ли кого либо могли увлечь. Дешевый комизмъ, шаблонность интриги,—обычной интриги водвилей съ переодѣваньемъ,—тусклость красокъ, въ особенности въ сравненіи съ яркимъ прототипомъ, наконецъ, спѣшность и малая обработка труда, слишкомъ очевидныя,—все это не могло обезпечить комедіи ни сценическаго успѣха, ни благоприятнаго впечатлѣнія свѣжести, новизны и оригинальности. Лучъ славы Гоголя и Грибоѣдова освѣтилъ скромныя произведенія ихъ подражателей, но какъ бы только для того, чтобы всякій увидѣлъ, какъ далеки подражанія отъ оригинала. Подражательныя эпизоды немедленно сошли со сцены и на долю ихъ выпало печальное, но вполне заслуженное забвеніе. А. Измайловъ.

Стихотворение

Изъ прежнихъ дней.

Припоминая прежнихъ дней
Пережитыя испытанья,
Всегда я въ памяти моей
Бужу одно воспоминанье:

Лѣнистый садъ, за нимъ—рѣка,
А дальше—степи гладь живая,
И въ синемъ небѣ—облака,
Весной въ сияющей день мая.

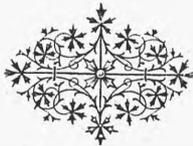
Рядъ вербъ, склоненныхъ надъ водой,
Лѣнивый плескъ волны прибрежной,
И мы вдвоемъ, рука съ рукой,
Полны отрады безмятежной...

Въ тотъ тихій садъ вернулся я;
Онъ встрѣтилъ вновь меня, какъ друга;
Лишь только не было тебя,
Моя прелестная подруга!

Глубоко спрятала земля
Безцѣнный кладъ на вѣчномъ ложѣ;
Кругомъ меня все было то же,
Лишь только не было тебя!

Все было то же: садъ, рѣка,
Зеленой степи гладь живая,
И въ синемъ небѣ—облака
Весной въ сияющей день мая.

А. Петровскій.

ХРОНИКА

театра и искусства.

11 апрѣля состоялось годовое собраніе Театрального Общества. Собралось около 75 членовъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ Л. А. Плющевскій-Плющикъ. Въ началѣ былъ прочитанъ отчетъ за 1898 г., съ главнѣйшими данными котораго мы уже имѣли случай познакомиться читателей.

На текущей годъ смѣта исчислена въ слѣдующемъ видѣ: доходовъ 75,330 р. 95 к. (въ томъ числѣ 10,000 р. изъ государственнаго казначейства и 5,000 субсидіи Государя Императора на расширеніе и содержаніе убѣжища), расходовъ 34,153 р. 34 к.

Выслушавъ прочитанный В. В. Билибиннымъ докладъ ревизіонной комиссіи, собраніе утвердило какъ отчетъ, такъ и смѣту. Нѣкоторые замѣчанія ревизіонной комиссіи приняты Совѣтомъ. На обсужденіе общаго собранія было предложено замѣчаніе ревизіонной комиссіи о необходимости хранить суммы текущаго счета не въ частномъ, а въ государственномъ банкѣ, согласно точному смыслу устава. Общее собраніе, выслушавъ заявленіе члена ревизіонной комиссіи А. П. Коломина, постановило строго придерживаться на будущее время буквы устава.

Безъ преній утверждена инструкція казначею и бухгалтеру. Принято предложеніе Совѣта объ ассигнованіи въ распоряженіе члена Совѣта, проживающаго въ Москвѣ, 500 р. для выдачи небольшихъ пособій въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Практиковавшееся втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ отчисленіе 1 проц. изъ всѣхъ доходовъ общества на содержаніе могилъ артистовъ—рѣшено прекратить; необходимая на этотъ предметъ сумма будетъ ежегодно вноситься въ смѣту.

По предложенію ревизіонной комиссіи, собраніе выразило благодарность предсѣдателю общества В. С. Кривенку, казначею В. Р. Шемаеву, завѣдующему убѣжищемъ В. В. Иловайскому и завѣдующему домомъ Н. А. Лейкуну.

Выбывавшіе члены совѣта В. Р. Шемаевъ и Е. П. Карповъ вновь избраны; кандидатомъ къ нимъ избранъ М. А. Михайловъ. Въ члены ревизіонной комиссіи избраны: А. П. Коломинъ, В. В. Билибинъ, А. Р. Кугель, К. В. Бравичъ и Н. Н. Волковъ-Семеновъ; кандидатами къ нимъ—гг. Озаровскій, баронъ Кусовъ, Тинскій, Костромитиновъ и Карабчевскій.

Единогласно избрана въ почетные члены артистка Н. М. Медвѣева, по случаю 50-лѣтняго достойнаго служенія ея искусству.

Присутствовавшая въ собраніи М. Г. Савина была предметомъ восторженныхъ овацій. По предложенію г. Мерянского, собраніе долго несомлакившими аплодисментами выразило горячую благодарность артисткѣ, въ теченіи 25 лѣтъ съ честью служившей родному искусству, и постановило, въ ознаменованіе исполнявшагося 25-лѣтія, открыть подписку на учрежденіе стипендіи М. Г. Савиной, для одного изъ престарѣлыхъ бѣдныхъ артистовъ. Подписка была тутъ-же открыта, и втеченіи полчаса было собрано нѣсколько сотъ рублей.

Въ виду выраженнаго собраніемъ единодушнаго желанія избрать М. Г. Савину почетнымъ членомъ общества, Совѣтъ общалъ произвести это избраніе въ ближайшемъ общемъ собраніи. Рѣчь ген.-майора Бурлея по этому поводу произвела сильное впечатлѣніе на собравшихся.

В. С. Кривенко, обращаясь къ собранію, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Въ среду, 3-го февраля, я имѣлъ счастье принести Его Императорскому Величеству благодарность отъ Русскаго театрального общества за всемиловѣйшее назначеніе ежегоднаго пособия изъ Государственнаго казначейства. Государю Императору благоугодно было осчастливить меня вопросомъ о дѣятельности общества. Отвѣчая, я счелъ долгомъ всеподданнѣйше доложить Государю Императору о далеко не утѣшительномъ состояніи современнаго театра, о замѣчаемомъ все болѣе и болѣе стремленіи обратить его въ увеселительное заведеніе, а также указалъ на усиліе общества оказать посильную помощь правительству въ возможно болѣе цѣлесообразной постановкѣ театральнаго дѣла въ Россіи. Его Императорское Величество изволилъ замѣтить о томъ интересѣ, который возбуждаютъ въ Немъ всегда вопросы искусства, прибавивъ, что театръ Онъ любитъ и увѣренъ въ благотѣльномъ воспитательномъ его значеніи, но лишь при обязательномъ условіи правильной постановки дѣла. Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ передать членамъ общества Его Монаршую благодарность за стараніе послужить государству на поприщѣ упорядоченія театральнаго зрѣлища. Несказанно обрадованный такою Царскою милостью, я позволилъ себѣ обратить вниманіе Его Величества, что дѣятельность Театрального общества пока держится въ узкихъ рамкахъ лишь за неимѣніемъ достаточныхъ матеріальныхъ средствъ. Проектъ обложенія нѣкоторымъ процентнымъ сборомъ входныхъ театральнахъ билетовъ временно приостановленъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ является опасеніе въ непосильномъ отягощеніи частныхъ антрепризъ новымъ налогомъ при существованіи такового въ пользу учреждений Императрицы Маріи. Казалось бы, наиболѣе заинтересованными въ плодотворной дѣятельности Театрального общества должны явиться сами театральныя учрежденія и черезъ посредство ихъ касса можно было бы получать ежегодно достаточныя средства для содѣйствія устройству частныхъ сценъ и матеріальной поддержки нуждающихся артистовъ. Выслушавъ меня, Государь Императоръ вполне успокоилъ меня и вселилъ во мнѣ радостную надежду на лучшее матеріальное будущее Театрального общества».

Общее собраніе выслушало В. С. Кривенку стоя, и дружное „ура“ огласило залу собранія.

Предъ закрытіемъ собранія, предсѣдательствовавший Л. А. Плющевскій-Плющикъ охарактеризовалъ въ немногихъ словахъ плодотворную дѣятельность минувшаго года, столь неразрывно связанную съ личностью новаго предсѣдателя, В. С. Кривенку.

Отмѣнивъ тотъ отрадный фактъ, что съ недавняго времени въ обществѣ явилось большое единеніе, болѣе увѣренное стремленіе къ достиженію намѣченной цѣли, что общество ведется теперь по желанному пути, г. Плющев-

скій - Плюшкѣ предложилъ выразить признательность В. С. Кривенко, который внесъ въ дѣло огромную энергію.

Въ отвѣтъ на шумную манифестацію В. С. Кривенко замѣтили, что девизомъ общества онъ ставитъ: въ единеніи — сила.

Годовое собраніе членовъ Театрального Общества оставило несомнѣнно самое лучшее впечатлѣніе. Невольно напрашивалось сравненіе съ прошлогоднимъ собраніемъ, гдѣ было не мало шуму и крику, гдѣ расточались подозрѣнія и намеки, и гдѣ поверхностному взгляду могло дѣйствительно представиться, что Общество находится въ рукахъ партій, оснаживающихъ первенство и стремящихся не къ пользѣ дѣла, а къ власти.

Девизъ новаго председателя В. С. Кривенко „въ единеніи — сила“ успѣлъ многое измѣнить въ физиономіи общаго собранія.

* * *

П. В. Самойловъ.

(Къ предстоящимъ дебютамъ).

Въ Москвѣ 10-го апрѣля состоялось собраніе „Общества драматическихъ писателей“. Присутствовало 14 членовъ съ 29 голосами. Въ вознагражденіе членамъ комитета, вмѣсто ассигнованныхъ петербургскимъ отдѣленіемъ 1,200 р., рѣшено отпустить 1,800 р. Гг. Музилъ, Манфельдъ и Чайковскій избраны въ комиссію по распредѣленію процентовъ съ фонда; кандидатами къ нимъ избраны: гг. Цавловъ и Гнѣдичъ. По вопросу о чествованіи 25-лѣтія общества, въ противность рѣшенію петербургскаго собранія, рѣшено: учредить премію имени Пушкина, за лучшее драматическое произведеніе, принять завтракъ въ 1,500 р., агентамъ выдать золотыя часы, а не жетоны, и учредить стипендію въ московскомъ университетѣ. Для выработки правилъ преміи имени Пушкина будетъ выбрана особая комиссія.

Вмѣсто выбывающихъ членовъ комитета, выбравъ Садовскій единогласно и Барышевъ. Въ судьи грибоѣдовской преміи избраны: Кириичниковъ (вмѣсто Плевако), г-жя Ермолова и гг. Салиасъ. Кандидатами: г-жа Федотертелевъ и В. Гольцевъ

* * *

Надняхъ въ Московскомъ Большомъ театрѣ происходилъ разборъ большой постановочной оперы г. Коренченко «Ледяной домъ». Новая опера будетъ включена въ репертуаръ сезона 1899—1900 года.

* * *

На парижской выставкѣ 1900 года въ русскомъ отдѣлѣ будутъ даваться ежедневные концерты оркестромъ графа А. Д. Шереметьева.

* * *

На шестой недѣлѣ закончилась большая часть поѣздокъ. Материальный успѣхъ всѣхъ ихъ былъ вполне удовлетворительный. Труппа подъ управленіемъ г. Ларипа, послѣдняя Прибалтійскій край, дала 27 спектаклей въ Ревелѣ, Юрьевѣ, Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ и кромѣ того, въ Ковно и Двинскѣ. Сборы были вездѣ хороши, въ особенности же въ Либавѣ и Ковно. Успѣхъ велоду огромный. Въ репертуаръ вошли слѣдующія пьесы: „Ворцы“, „Двѣ судьбы“, „Девятый валъ“, „Защитникъ“, „Исторія одного увлеченія“ и „Соколы и Вороны“. Наибольшій успѣхъ имѣли „Исторія одного увлеченія“ и „Ворцы“. Первал шла бенефисомъ г-жи Холмеской въ Либавѣ. Бенефисомъ г. Юрьева шли „Соколы и Вороны“. Въ Либавѣ артистамъ были поднесены отъ мориковъ букеты, а артистамъ подарили. Труппу составляли г-жи Холмеска, Кривская, Чижевская, Казбичъ, Николаева, Бунина, гг. Юрьевъ, Ремезовъ, Пикольскій, Цаптелъевъ, Крамаковъ, Израилевъ и др.

Вольные сборы сдѣлало товарищество артистовъ Александринскаго театра подъ управленіемъ П. Ф. Арбеннича. Товарищество въ третій разъ объѣхало города Привислинскаго края — Ченстоховъ, Лодзь, Петроковъ, Радомъ, Кѣльцы, Люблинъ, Холмъ. Ново-Александрія и закончило поѣздку Вѣлостокомъ, Гродно и Минскомъ. За 34 спектакля, сыгранныхъ въ теченіи мѣсяца, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ и за вычетомъ переѣзда всей труппы по 2 классу, товарищество выработало около 2 руб. на марку. Въ составъ даннаго товарищества входили: Г. В. Палова, В. В. Стрѣльска, В. И. Морева, Е. И. Соловьева, П. А. Випоградова, А. А. Пилова, К. А. Варламовъ, П. Ф. Арбенничъ, А. С. Черновъ, П. П. Шановаленко, А. Е. Осокинъ, А. А. Ридаль, А. А. Усачевъ, П. П. Ходотовъ и др. Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Лѣсъ“, „Джентльменъ“, „Ворцы“, „Виповаталъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Первая муха“, „За чужое преступленіе“, „Черезъ край“ и пѣсколькихъ одноактныхъ пьесъ.

6-го апрѣля вернулась въ Москву труппа артистовъ Малаго театра, ѣздившихъ на Великій постъ въ Варшаву подъ управленіемъ В. А. Макшеева. Спектаклей было дано семнадцать. Наибольшій успѣхъ имѣла пьеса „Джентльменъ“. Сборы все время были отличные, часто совершенно полные. Для варшавской дирекціи въ концѣ концовъ, предпріятіе оказалось довольно выгоднымъ. Во время послѣдняго спектакля были поданы лавровые вѣнки отъ театральной дирекціи г-жамъ Яблочкиной, Гривунъ Шейндель, Турчаниновой, гг. Макшееву и Южину.

Администратору поѣздки М. Т. Строеву предложили взять на себя устройство въ Варшавѣ пушинскихъ юбилейныхъ спектаклей 26-го, 27-го и 28-го мая, съ платъ тысячу рублей за спектакль. Для этихъ спектаклей пойдутъ Пушинскіе „Каменный Гость“, „Моцартъ и Сальери“ и сцена изъ „Русалки“.

* * *

Нѣсколько словъ къ юбилею Расина.

Русская публика впервые познакомилась съ трагедіями Расина въ переводахъ графа Д. И. Хвостова и Лобанова, стихи которыхъ достойны занять почетное мѣсто въ ряду курьезовъ. Возьмемъ два примѣра:

Изъ „Ифигеніи въ Тавридѣ“ Лобанова:

«О змѣй ужаснѣйшій! Мегеры лютыхъ чадъ
Чудовище, что къ намъ извергнулъ гнѣва адъ.
И небо не гремитъ, и зрю ее не мертву,
Но гдѣ несчастную найти, мечтаю, жертву».

Изъ „Андромахи“ графа Д. И. Хвостова:

«Гдѣ я? Что дѣлаю? Что дѣлать остается?
Почто сей жаръ въ груди? Почто такъ сердце рвется?
Я по чертогамъ симъ скитаючись бѣгу,
Люблю иль злобствую, сама знать не могу».

Таковыми стихами почтенный поэтъ едва-ли могъ угодить даже своимъ, очень не взыскательнымъ современникамъ.

Однажды, во время контръ-данса, „поэты“ стали хвастаться своею угодливостью передъ дамами, тогда родственникъ его Александръ Семеновичъ Хвостовъ сказалъ:

«Писатель, графъ Хвостовъ, скажу я не въ укоръ:
Танцуетъ какъ Вольтеръ, и пишетъ какъ Дюпоръ!»

* * *

Въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ начался рядъ закрытыхъ дебютовъ драматическихъ провинціальныхъ артистовъ. Всего записалось двадцать девять лицъ. Изъ болѣе извѣстныхъ въ провинціи артистовъ выступилъ А. К. Мартыновъ, изъ артистовъ пегербургскихъ частныхъ сценъ назовемъ г-жу Кирзову, дебютирующую въ „Питомкѣ“. Въ виду большого количества дебютантовъ, съ ними шли лишь отдѣльныя сцены.

Намъ пишутъ изъ Кіева: Последнимъ въ текущемъ сезонѣ симфоническимъ собраніемъ, назначеннымъ на 3-е апрѣля, завершается десятилѣтіе управленія Александра Николаевича Виноградскаго кievскими симфоническими концертами Императорскаго Рус. Муз. Общества. Свою дѣятельность въ качествѣ дирижера симфоническими собраніями А. Н. началъ въ Саратовѣ, гдѣ онъ, будучи директоромъ саратовскаго отдѣленія Императ. Рус. Муз. Общества, три года управлялъ симфонич. концертами. Концерты эти были на столько успѣшны, что для предоставленія возможности всемъ желающимъ посѣтить ихъ пришлось дирекціи устраивать дневныя платныя геперальныя репетиціи.

Обладая солидною музыкальною эрудиціей, высоко развитымъ художественнымъ вкусомъ и огромнымъ темпераментомъ, А. Н. вскорѣ приобрѣлъ себѣ широкую популярность въ Россіи и за границею и былъ много разъ приглашаемъ дирижировать гастрольными симфоническими концертами въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Брюсселѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ, Антверпенѣ и Берлинѣ. За границею А. Н. дирижировалъ исключительно музыкою русскихъ композиторовъ. Въ Парижѣ А. Н. выступалъ три раза, точно также на всемирной выставкѣ въ Антверпенѣ, гдѣ были устроены концерты, посвященные музыкѣ различныхъ національностей. А. Н. на ряду съ Севъ-Сансомъ и Феликсомъ Мотль (первый дирижировалъ французскимъ, второй — нѣмецкимъ, концертами) дирижировалъ концертами русской музыки (Festival de musique russe). Въ текущемъ году А. Н. концертировалъ съ большимъ успѣхомъ въ Берлинѣ.

Въ программу юбилейнаго симфоническаго концерта вошли: симфонія H—moll Шуберта, которою г. Виноградскій дебютировалъ въ Кіевѣ въ 18-9 году, сюита „L'Arlesienne“ — Бизе; „Ромео и Джульетта“ — фантазія по Шекспиру Чайковскаго; изъ оп. „Жизнь за Царя“ вальсъ (выпускаемый на сценѣ); два номера изъ „Балетной сюиты“ Глазунова; „Pos d'action“ и „Марионетки“; Весна — элегическая мелодія Грига и увертюра „Эврианта“ Вебера. Солисткою выступила артистка харьковской оперы кн. Церетели М. Н. Полякова (сопрано), исполнившая арію изъ оперы Гуно „Царица Савская“ и „колыбельную пѣсню“ изъ оперы „Юсселенъ“ Годара. Р—ичъ.

Въ нынѣшнемъ Великомъ посту въ Петербургѣ былъ большой съѣздъ антрепренеровъ. Назовемъ Н. Н. Соловцова, Н. Н. Синельникова, П. П. Струйскаго, П. П. Медвѣдева и др. Въ Бюро Театральнаго Общества велись все время оживленные переговоры. Изъ болѣе крупныхъ ангажементовъ назовемъ приглашеніе П. Л. Скуратова въ труппу Н. Н. Соловцова, въ Кіевѣ.

Въ „Научномъ Обзорѣнн“ находимъ любопытное воспоминаніе о драматическихъ опытахъ Н. Г. Чернышевскаго, на которѣ. Объ этомъ, кажется, появляется впервые въ печати. Разсказъ ведется отъ лица очевидца.

Въ бытность свою въ Александровскомъ заводѣ Н. Г. Чернышевскій принималъ большое участіе въ арестантской сценѣ, разрѣшенной намъ очень скоро послѣ прибытія нашего на каторгу. Въ режиссерскую часть, впрочемъ, онъ никогда не вмѣшивался, предоставивъ ее цѣликомъ своему товарищу Михайлову, самъ же ограничивался исключительно авторствомъ. Писалъ онъ довольно много, но большинство его одноактныхъ пьесокъ какъ-то совсѣмъ исчезли у меня изъ памяти — за давностью времени, конечно. Помню только, что арестантамъ изъ простыхъ они мало нравились, вѣрнѣе даже и совсѣмъ не нравились. Чернышевскій былъ для нихъ слишкомъ серьезенъ, слишкомъ «пропагандистъ» и совсѣмъ не умѣлъ вызывать непосредственнаго смѣха. Онъ всегда старался учить: для нашей большой публики этого оказывалось недостаточнымъ. Но вотъ, что я, дѣйствительно, помню — это сюжеты двухъ его пьесъ, кажется, самыхъ удачныхъ. Первая въ одномъ актѣ, вторая — въ двухъ. Въ одноактной выведенъ на сцену старикъ-каторжникъ, бывший снохачъ, который лѣтъ за десять до начала дѣйствія до того увлекся своей красавицей невольницей, что покушался даже на жизнь родного сына. За это и за прочее онъ и попалъ на каторгу. Здѣсь онъ совсѣмъ перемѣнился, все время читалъ божественное и тосковалъ страшно. Только разъ какъ-то отворяется дверь въ камеру и входитъ въ нее новый арестантъ, еще не старый, но такой слабый и болѣзненный, что со стороны смотрѣть страшно. Молча садится на нары (какъ разъ рядомъ со старикомъ) и

осматривается. Тутъ старикъ признаетъ въ немъ своего сына и съ какимъ-то раскаяннымъ лепетомъ прямо бухъ ему въ ноги. Тотъ сначала было отворачивался, да — нѣтъ: кровь беретъ свое, и вотъ ночью собственно и начинается самое дѣйствіе. Отецъ кается и плачетъ. Сынъ разсказываетъ, какъ онъ, оставшись одинъ, сталъ «поскудствовать», пропилъ все имущество, обратился въ кабацкаго завсегдатая и, наконецъ, попалъ въ эти стѣны. «А Анютка что?» — какъ-то угрюмо спрашиваетъ, наконецъ, старикъ «Зарѣзалъ я ее», — отвѣчаетъ сынъ и тихо прибавляетъ: «окаянную». «Не окаянная она, — вдругъ заговорилъ старикъ, я окаянный, я погубилъ и ее, и тебя...» Долго говоритъ онъ и казнится дѣйствительно вдохновенно, перслутивъ свою рѣчь текстами изъ плохо понятого писанія. Последнее его слово было «прости». «Богъ проститъ», — отвѣчаетъ тотъ и, глубоко вздохнувъ, молча поворачивается къ стѣнѣ...

* * *

М. Г. Савина.

(Съ послѣдней заграничной фотографіи).

Сотрудникъ «Пет. Газ.» посѣтилъ М. Г. Савину и обозрѣлъ вещественные знаки невещественныхъ отношеній, привезенные изъ заграницы.

Подарокъ Императора Вильгельма красуется отдѣльно и состоитъ изъ браслета, украшеннаго рубинами съ большимъ германскимъ орломъ, усыпаннымъ брилліантами. Въ зеленой бархатной плошечной рамкѣ — изящный бронзовый барельефъ: «Легенда города Праги» — произведеніе одного изъ болѣе извѣстныхъ чешскихъ скульпторовъ, поднесенное Маріи Гавриловнѣ въ даръ отъ предсѣдателя «кружка любителей русскаго языка» при посѣщеніи ею кружка. Обращаетъ на себя вниманіе великолѣпный фоліантъ «Исторія возникновенія народнаго земскаго чешскаго театра».

* * *

Лѣтній театръ и садъ В. А. Неметти, пользовавшійся въ теченіи 10 лѣтъ неизмѣнными симпатіями публики, открывается, подлѣ новою дирекціею П. В. Тумлакова, 24 апрѣля.

Главнымъ режиссеромъ приглашенъ В. В. Чаровъ. Составъ

труппы слѣдующей: Гг. Рутковский, Сѣверскій, Полонскій, Вилинскій, Брянский, Каменскій, Щербановъ, Сульбининъ, Колосовъ. Г-жи Смолина, Стефани-Варгина, Марченко, Варламова, Александрова, Арлани, Жулинская, Гринева и Саргинская. Балетная труппа подъ управленіемъ гг. Саракко и Бекефи съ участіемъ прима-балеринъ г-жъ Варази и Бланки Джелато; кордебалетъ достаточно обширенъ. Капельмейстера гг. Паули и Тони, хормейстеры гг. Шиловъ и Вендтъ. На гастроли приглашены г-жа Розалія Ламбрехтъ и г-жа Солье. Въ дивертисментѣ появятся модная европейскія исполнительницы. Репертуаръ будетъ состоять, какъ и прежде, изъ оперетокъ и дивертисмента. Администраторомъ труппы остается М. П. Тамашевъ. Для открытія возобновляется съ новой роскошной обстановкой «Бельвильская Дѣва» муз. Миллекера. Затѣмъ пойдутъ парижскія новинки «Герои рынка» (Mlle Quat'sous) «Вероника» (Véronique). Эта же труппа дастъ нѣсколько спектаклей въ Павловскомъ театрѣ.

* * *

Садъ П. В. Тумпакова (бывшій Измайловскій) готовится къ открытію 22-го апрѣля. Репертуаръ—драма и комедія подъ опытнымъ и умѣлымъ режиссерствомъ Я. В. Выховецъ-Самарина. Составъ труппы: г-жи Лепетичъ, Кудрявцева, Волынская, Гарина, Красовская, Любимова и др.; гг. Егоровъ, Бредовъ, Митрофановъ, Лепетичъ, Горскій изъ прошлогоднихъ артистовъ; вновь приглашены г-жа Ростовцева, Соколовъ, Ивановская и гг. Брянский, Войтоловскій и Августовъ.

Для открытія предполагается обстановочная трагедія «Трогирскій воевода» Аверкиена, гдѣ представляется полный просторъ режиссеру. Къ участію въ дивертисментахъ приглашено нѣсколько новыхъ исполнительницъ, преимущественно заграничныхъ. Лѣтняя сцена и садъ за-ново отремонтированы; усилена также электрическое освѣщеніе.

* * *

Въ нижегородскую труппу, составленную г. Андреевымъ-Корсиковымъ, кромѣ А. Я. Азагаровой и Х. И. Петросяна, вошли г-жи Терехова (драматическое искусство), Лидина (искусство comique), Гуревичъ (grande dame), Ланина (водевильное искусство), Алипская (комическая старуха), гг. Громовъ (бытовой любовникъ), Смирновъ (фатъ-резонеръ), Разсудовъ (комикъ), Басмановъ (любовникъ), Введенскій (2-й комикъ), Орловъ-Сѣмишко (комикъ и резонеръ), Вильевъ (простакъ); на вторыя роли приглашены г-жи Осипова и Темирова. Режиссеромъ, какъ мы уже сообщали, будетъ С. А. Андреевъ-Корсиковъ.

* * *

Артисты московскаго Малаго театра готовятся къ лѣтнимъ поѣздкамъ по провинціи. Г-жи Садовская, Лешковская, гг. Южинъ, Правдинъ, Рыбаковъ и Садовскій пойдутъ въ центральные и приволжскіе города; товарищество, составленное гг. Строевымъ и Максеевымъ, въ которое вошли г-жа Яблочкина и гг. Васильевъ и Ильинскій поѣдутъ западныя губерніи. Въ Царицынѣ ѣдетъ товарищество подъ управленіемъ гг. Грессера и Запорова.

* * *

Оперный сезонъ въ Мариинскомъ театрѣ закрывается 30-го апрѣля. Съ вимы, какъ ходятъ слухи, предполагено давать оперные спектакли также по субботамъ.

* * *

Московскіе лѣтніе сады предполагаютъ начать сезонъ 30-го апрѣля.

† Э. ПАЛЬЕРОНЪ.

На-дняхъ, 8 апрѣля, скончался Эд. Пальеронъ, популярный французскій драматургъ, извѣстный у насъ, болѣе, впрочемъ, подъ именемъ В. Крылова, пожавшаго всѣ плоды прелестной комедіи Пальерона—„Le monde où l'on s'ennuie“ („Общество поощренія скуки“).

Пальеронъ родился въ Парижѣ 17 ноября 1834 года, и состоялъ сначала клеркомъ у нотариуса. Въ литературѣ онъ впервые выступилъ въ 1860 году съ томомъ сатиры въ стихахъ подъ заглавіемъ „Parasites“ и одноактную пьесу „Le Parasite“, представленную на сценѣ „Одеона“. На той же сценѣ въ слѣдующемъ году появилась вторая

его пьеса въ стихахъ „Le Mur mitoyen“, а въ 1863 году, послѣ третьей комедіи „Le dernier Quartier“, Пальеронъ могъ считать свою репутацію вполне упроченной. Достоинство, впрочемъ, назвать главнѣйшія другія его пьесы: „L'Étincelle“ („Искорка“), „Le monde où l'on s'ennuie“ („Общество поощренія скуки“), „Les faux ménages“, „La souris“, „Les cabotins“, „Mieux vaut douceur“ и др. Съ декабря 1882 г. Э. Пальеронъ былъ членомъ французской академіи.

Пальеронъ—интересенъ, какъ болѣе законченный представитель „haute comédie“ и является въ этомъ отношеніи, послѣдователемъ Фелье. Если хотите, опъ еще тоньше, нежели послѣдній, еще болѣе „lettré“, болѣе литераторъ, болѣе французъ. Нашей публикѣ этотъ жанръ нѣсколько чуждъ, и если тѣмъ не менѣе „Le monde où l'on s'ennuie“ пользуется большимъ успѣхомъ на русскихъ сценахъ, то это слѣдуетъ приписать скорѣе нѣкоторымъ смѣшнымъ положеніямъ комедіи и превосходной роли ingénue нежели блестящимъ, хотя и самодовѣющимъ, такъ сказать, литературнымъ достоинствамъ произведенія.

† Э. Пальеронъ.

Пальеронъ являетъ собою образецъ „салоннаго“ драматурга, съ тою изысканностью формы, съ тѣмъ мягкимъ, почти женственнымъ анализомъ характеровъ, какой въ русской литературѣ встрѣчается развѣ у Тургенева. Пальеронъ, думается, завершилъ циклъ развитія французской комедіи, отъ Реньяра и Мариво, до нашихъ дней. Теперь, даже во французской литературѣ замѣчается поворотъ къ соли болѣе крупной, къ замысламъ и противоположеніямъ болѣе глубокимъ, къ морали болѣе общей, болѣе законченной, болѣе дидактичной. Пальеронъ—писатель, позволяя себѣ выразиться, секты; драматургъ интеллигенціи, въ самомъ ограниченномъ смыслѣ этого слова. Что не писатель, не профессоръ, не политическій дѣятель и не марсианъ—то его мало интересовало. Что не тонкій, едва примѣтный, и всегда прелестный въ своей плавности, колобанія дѣвичьяго сердца—то, на его взглядъ, мало достойный предметъ для анализа. Онъ былъ академикомъ, въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ничего рискованнаго, ничего оскорбляющаго вкусъ или слухъ. Благородный, воспитанный и какъ будто стыдливый, опъ избѣгалъ даже адюльтера, этой излюбленнѣйшей темы французской литературы.

Съ такою ограниченою областью наблюденій, съ такимъ отвращеніемъ къ рѣзкимъ противоположеніямъ и такою щепетильностью относительно выбора сюжетовъ, очень легко впасть въ скуку, однообразіе, слащавость. А между тѣмъ Пальеронъ былъ интересенъ, благодаря изысканности формы, блеску діалога, тщательной отдѣлкѣ пьесы...

Пальеронъ, по совершенно справедливому замѣчанію Ларруме („Figaro“, № 111), былъ представителемъ выходящагося театральнаго рода. Это былъ послѣдній авторъ „салонной комедіи“. Писатель, главная забота котораго состояла въ разработкѣ формы, опъ выбиралъ своихъ дѣйствующихъ лицъ точно также преимущественно среди тѣхъ, для которыхъ форма жизни важнѣе содержанія. Его

ingénues въ „Царствѣ скуки“, въ „Искоркѣ“ и пр.—представляютъ именно такую дѣвичью душу, она вся подавлена формальною стороною своего существованія, и потому все живое, что въ ней есть, можетъ разгораться и вспыхивать только „искорками“. Блеснутъ, и потухнутъ, „блеснуть очаровательно“, какъ выражается Липочка. И таковъ самъ Пальеронъ, — весь въ искоркахъ ума, таланта, наблюдательности, остроумія, но неспособный ни разгорѣться большимъ пламенемъ, ни зажечь большое пламя въ сердцахъ...

„Царство скуки“ было высшею ступеню литературной карьеры Пальерона. Послѣднія его произведенія „La sauris“ и въ особенности „Les Cabotins“ явно изблещаютъ усталость дарованія. „Les Cabotins“, кажется, даже не переведены на русскій языкъ. Это—слишкомъ парижская пьеса. Содержаніе въ ней, не смотря на замыселъ, очень узенькое. „Каботинство“ разсматривается не въ глубинѣхъ его психологическихъ основанійхъ, а мимоходомъ, по поверхностнымъ проявленіямъ въ специальныхъ парижскихъ кружкахъ. Пипущій эти строки видѣлъ „Cabotins“ въ Парижѣ на сценѣ „Comédie Française“. Не смотря на прекрасное исполненіе, впечатлѣніе было тусклое. Та же участь постигла послѣднее произведеніе Пальерона „Mieux vaut douceur“, переведенное подъ заглавіемъ „Нѣтъ худа безъ добра“ и напечатанное въ нашемъ журналѣ. Красота діалога слишкомъ велика, если можно такъ выразиться, для сценическихъ подмостковъ.

Въ лицѣ Пальерона, сошелъ въ могилу „послѣдній изъ могиканъ“ аристократической драмы, которая пишется для немногихъ. Театръ быстро демократизируется. Подобно декораціямъ, которыхъ штрихи разсчитаны на среднее зрѣніе, а не изощренное зрѣніе дальновзоркихъ,—театръ принимаетъ на себя задачи погрубѣе и эффекты подступнѣе.

Таковъ ходъ вещей, предудказанный исторіей. Но нельзя не вздохнуть немногимъ тонкимъ цѣвителямъ изящнаго діалога и мимолетныхъ, какъ тѣнь наблюдающихъ, сценическихъ впечатлѣній, по згомъ старомъ маркизѣ отъ сцены, котораго называли Пальерономъ.

Ник. Негоревъ.

„Прекрасная Елена“ въ траурѣ.

(Изъ воспоминаній провинціального актера).

Поклонники водевильной актрисы Буревои-Залихватской какъ-то за ужиномъ просили ее поставить въ свой бенефисъ „Прекрасную Елену“.

— Елену! воскликнула она,—съ восторгомъ!

Но тутъ же, впрочемъ, прибавила, печально поинкнувъ головкой:

— Ахъ, у меня нѣтъ костюма!

Дѣлать его заново, разумѣется, было очень дорого. Утинская-Гласова, жена антрепренера и соперница по таланту Буревои-Залихватской, присутствовавшая при этомъ, предложила ей свой костюмъ, такъ какъ въ репертуарѣ ея тоже была эта роль.

Бурева въ восторгѣ разпѣловала свою антрепренершу за такую любезность.

Наканунѣ бенефиса, афишеры расклеили по городу саженьныя афиши, а такъ называемымъ интеллигентнымъ жителямъ разнесли по домамъ носовые платки, на которыхъ была отпечатана программа спектакля, съ обязательной фразой на оборотной сторонѣ: „Бенефициантка льститъ себя надеждой, что благосклонная публика посѣтитъ ея бенефисъ“. Даровые ли платки, или заманчивая оперетка были причиной, но къ началу спектакля театръ переполнился публикой. „Райскіе посѣтители“ нѣсколько разъ уже выражали

свое нетерпѣніе стукомъ и криками „пора“, но за навѣсь все-таки не подымался.

За кулисами же въ это время происходило слѣдующее:

Загримированная, но еще совершенно не одѣтая Бурева, въ трико и бѣлокурномъ парикѣ, нервно ходила по своей уборной и съ большимъ волненіемъ дожидалась общаго костюма. Примѣрить его раньше ей не удалось, такъ какъ Утинская подъ разными предлогами отклоняла это, увѣряя, что онъ почти новыи и будетъ какъ разъ въ пору. Наконецъ, горничная вошла съ давно ожидаемымъ костюмомъ въ узлѣ. Бурева развязала его и окаменѣла отъ ужаса. Въмѣсто роскошнаго пеплума, было какое-то измятое, грязное и оборванное тряпье, а туники, этой единственной туники съ классическимъ разрѣзомъ, совсѣмъ даже не было. Отворивъ дверь уборной, Бурева неистовымъ голосомъ стала звать антрепренера. Перепуганный Гласовъ опроретью вбѣжалъ къ ней; за нимъ прибѣжали, привлеченные крикомъ, полудѣтые актеры и актрисы и даже рабочіе съ пожарными тѣснились у входа переполненной уборной.

— Что это такое? вопила разъяренная Бурева, потрясая у самого носа антрепренера грязною тряпкою.

— Это-съ, юлилъ Гласовъ, — это костюмъ, боже-ственная!..

— Что-съ! Вы называете это костюмомъ? Это интрига! Это низость! Я не буду играть! Я буду жаловаться полиціимейстеру!

Кругомъ тоже господствовало возбужденіе, и всѣ были убѣждены, что это интрига. Актрисы, принявъ участіе въ положеніи бенефициантки, давали разные совѣты, какъ выйти изъ затрудненія: однѣ предлагали ей заштопать дыры на костюмѣ и потерять его мукой; другія убѣждали играть въ собственной ночной рубахѣ, обшивъ ее наскоро позументомъ и цвѣтной тесьмой, что будетъ и оригинально, и совсѣмъ по-гречески. Бурева ничему не внимала и продолжала неистовствовать.

Шумъ и гамъ голосовъ слился въ невообразимый хаосъ. Интрига! мерзость! вопили и Аяксы, и Агамемнонъ, и Парисъ, и самъ Менелай. Трусливый Гласовъ, спрятавшись за кулисою, послалъ помощника режиссера приказать оркестру играть маршъ, чтобы заглушить крики разъяренныхъ артистовъ. Но было ужъ поздно. Полиціимейстеръ, бравый мужчина, стоялъ въ дверяхъ уборной. Увидѣвъ его, Бурева бросилась съ жалобой. Каждый изъ актеровъ старался перекричать другъ друга, объясняя вошедшему гнусную интригу. Бенефициантка сочла умѣстнымъ подпустить истерику.

Полиціимейстеръ, вообще, отличавшійся мудрою прозорливостью, былъ такъ оглушенъ адскимъ крикомъ, что еле разобравъ въ чемъ дѣло, заткнувъ уши, какъ угорѣлый, выбѣжалъ изъ уборной и пошелъ съ докладомъ къ пославшему его за кулисы важному сановнику города, барону Витервассеру. Дѣло принимало серьезный оборотъ и требовало немедленнаго административнаго вмѣшательства, почему, выслушавъ докладъ полиціимейстера, баронъ самъ направился въ уборную, чтобы произвести разслѣдованіе. За нимъ послѣдовали поклонники Буревои. Сцена переполнилась публикой. Войдя за кулисы, баронъ сдѣлалъ начальственное лицо, т. е. устроилъ морщину посреди бѣлаго лба и, оставивъ одну ногу впередъ, начальническимъ тономъ распекалъ согнувшася предъ нимъ Гласова.

Истерика бенефициантки моментально прошла, и накинувъ на голыя плечи рогонду, она выбѣжала къ барону, держа въ рукахъ, въ видѣ вещественнаго доказательства, присланный костюмъ. Сомнѣнія больше не было для опытнаго административнаго

глаза. Баронъ, строгій начальникъ своей канцелярш, котораго всѣ подчиненные боялись, какъ огня, преданный службѣ до фанатизма, въ порывѣ своей распекальщи, принялъ антрепренера Гласова за одного изъ своихъ прощтрафившихся чиновниковъ, и возвысивъ голосъ, говорилъ ему:

— Я давно замѣчаю, г. Гласовъ, безпорядки у васъ! Вы давно у меня на плохомъ счету. Такъ служить нельзя! Я вамъ предлагаю завтра же подать прошеніе объ отставкѣ!!!

Вѣдливый, Гласовъ дрожалъ отъ страха и со слезами въ голосъ умолялъ:

— Помилуйте, ваше превосходительство, виновать-съ, больше не буду-съ!..

— Завтра же подавайте въ отставку, не унимался баронъ, — или я васъ уволю безъ прошенія, по третьему пункту!

И затѣмъ, обратившись къ бенефицианткѣ уже болѣе покойнымъ тономъ, благосклонно прибавилъ:

— А вы, госпожа Бурева, можете играть „Прекрасную Елену“ въ черномъ платьѣ. Я вамъ это разрѣшаю!

Сдѣлавъ подобную резолюцію, баронъ удалился со сцены, сопровождаемый общимъ одобреніемъ. Такого великодушія никто не ожидалъ. Черезъ нѣсколько минутъ спектакль начался.

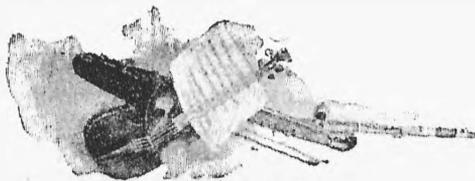
Царица древней Греціи, Прекрасная Елена была въ траурѣ, т. е. въ черномъ современномъ платьѣ съ турнюромъ, и къ большому огорченію многочисленныхъ поклонниковъ, безъ соблазнительнаго разрѣза.

Публика, подогрѣтая интригой, принимала ее восторженно. Нашли, что баронъ превосходно поддержалъ преставль власти.

Когда же во второмъ актѣ Прекрасная Елена въ черномъ платьѣ исполнила дуэтъ: „О, свидѣніе, о наслажденіе“, ей поднесли букетъ и подарокъ въ видѣ конверта, въ которомъ находились, собранные экспромтомъ, тутъ же въ театрѣ, — тридцать семь рублей пятьдесятъ копѣекъ.

Доброе, старое время...

А. Ли—ревъ.

Круча.

(повѣсть).

(Продолженіе *).

Дроснулся онъ поздно, около одиннадцати. У стола, за простывшимъ самоваромъ, сидѣлъ Миша.

— Ты что же не будилъ, а? спросилъ его Луганинъ.

— Я будилъ, да ты не встаешь... Оля два раза стучалась. Она меня въ Гостинный дворъ зоветъ. Какъ ты встанешь, такъ и пойдешь...

Луганинъ быстро одѣвался. На душѣ у него было свѣтло и радостно. Вчерашняго остраго, бурнаго

«За кулисами».

(Рисунокъ «I. Blätter».)

чувства не было—все улеглось, успокоилось, нашло свое мѣсто. Онъ освоился съ нахлынувшимъ на него благополучіемъ и наслаждался имъ.

„Въ Гостинный дворъ идетъ, думалъ онъ, приглаживая густые, непокорно вьющіеся волосы передъ тѣмъ же маленькимъ тусклымъ зеркальцемъ,—хлопочетъ, гнѣздышко, голубка, устраниваетъ... И этотъ клонъ тоже, участіе принимаетъ, узелки и свертки понесетъ“...

И съ каждой минутой ему становилось все веселѣе и веселѣе. Онъ такой сияющей и ликующей встрѣтилъ вчерашнюю Ольгу, что та смутилась.

— Ну, что ты! насильно оторвалась она отъ его долгаго, горячаго поцѣлуя.

— Радуюсь, Оля, весь радуюсь, тихо удержалъ онъ ея руку,—радуюсь и боюсь...

— Чего?

— Радости этой, очень ужъ счастливъ... За покупки?

Она была въ шляпѣ и жакеткѣ.

— Да, полотна купить хочу—бѣлье шить отдамъ.

— Вернешься скоро?

— Скоро. Воротилловъ придетъ...

— А! На рынокъ—княжескій будуаръ покупать? Всѣй пойдешь...

— А потомъ въ циркъ, увѣренно заявилъ Миша, ни на секунду не сомнѣвавшійся въ Воротилловѣ.

— И въ циркъ всѣй пойдешь, засмѣялся Луганинъ,—кутить, такъ кутить... Когда Воротилловъ-то придетъ?

— Вѣроятно скоро. Обѣщался отъ двѣнадцати до часу.

Въ дверь постучали.

— Легокъ на поминѣ! улыбнулся Луганинъ,—входи!

Дверь отворилась и вошелъ, но не Воротилловъ,

а вчерашній господинъ. Луганинъ его узналъ сразу — статный, съ красивой, на двое расчесанной бородой. Вошелъ онъ безъ пальто, въ сюртукъ и съ шляпой въ рукъ. Онъ съ секунду постоялъ на порогѣ, словно разематривая, и двинулся къ удивленному и смущенному Луганину.

— Константинъ Николаевичъ Луганинъ?

Тотъ взялъ протянутую ему руку.

— Я — Луганинъ, голосъ у него срывался. Онъ не то, чтобы робѣлъ, но какъ-то странно, непонятно и обидно для самого себя волновался. Его всего такъ и обдавало смутное предчувствіе чего-то важнаго, необыкновеннаго, что должно сейчасъ тутъ случиться.

— Соймоновъ, Владиміръ Львовичъ, проговорилъ господинъ и красивый, короткій поклонъ его отъ Луганина перешель къ Ольгѣ.

Та отвѣтила на поклонъ, смущенная и даже испуганная его фамиліей. Графъ Соймоновъ — она ежедневно проходила ни урокъ мимо его дома, роскошнаго, похожаго на небольшой дворецъ.

Наступило неловкое минутное молчаніе, но только минутное. Соймоновъ совѣмъ повернулся къ ней и, съ тѣмъ же легкимъ поклономъ въ сторону Луганина, заговорилъ спокойно, улыбаясь, съ той мягкой лаской въ голосѣ, которая бываетъ только у большихъ баръ.

— Простите и мой непрощенный визитъ, и то, что я буду говорить. Вы, если и не ошибаюсь, м-ше Загарина?

Ольга кивнула головой, удивленная.

— Константинъ Николаевичъ говорилъ мнѣ вчера о васъ и о многомъ... обо всемъ... Я пріѣхалъ съ предложеніемъ, которое... которое, по всей вѣроятности, очень удивитъ васъ, но которое вы должны принять... Я говорю серьезно — должны принять... Вы позволите? — и онъ коснулся рукой стула.

Луганинъ растерянно подвинулъ ему стулъ. Его смущали бѣдненькая, убогая комната, сбранъ съ красными разводами салфетка, тусклый самоваръ...

— Извините, пробормоталъ онъ, — но вы... въ такую минуту... не убрано.

Соймоновъ улыбнулся и такъ просто, хорошо улыбнулся, что всѣмъ вдругъ стало легко и свободно.

— Видите, какой вы... щепетильный, проговорилъ онъ садясь. — Такъ вы и меня смутите, заставите вспомнить, что явился я сюда вопреки всѣмъ пра-

Типы великопостныхъ концертантовъ и слушателей.

виламъ... Нѣтъ, вы не конфузьте меня и дайте мнѣ сказать то, для чего я собственно и пріѣхалъ.. Вчера я васъ встрѣтилъ тамъ, въ паркѣ. Странная и, если хотите, немножко необычная была встрѣча, но на меня она произвела огромное впечатлѣніе. Увѣряю васъ, что я не сегодня, а вчера бы уже выяснилъ все это, вошелъ бы сюда вслѣдъ за вами, если бы только меня не остановило то исключительное, въ высшей степени возбужденное состояніе, въ которомъ вы были. Сегодня вы успокоились и я буду говорить съ вами совершенно откровенно и прямо... О, ради Бога, протянулъ онъ руку къ Ольгѣ, замѣтивъ, что она собирается встать, — не уходите. Я совѣмъ не хочу дѣлать тайны и вы намъ не помѣшаете. Напротивъ, я очень радъ, что

вы здѣсь. При васъ я буду говорить и при васъ долженъ будетъ дать мнѣ отвѣтъ и Константинъ Николаевичъ. Вчера, въ порывѣ откровенности, онъ сообщил о вашихъ планахъ, о вашей будущей жизни. Такъ какъ мое предложеніе касается именно этого будущаго, то вашъ голосъ здѣсь также силенъ, какъ и голосъ самого Константина Николаевича... Дѣло вотъ въ чемъ. Я музыкантъ, не настоящій, профессиональный,—но то, что называютъ любителемъ. И я люблю музыку, понимаю ее. У васъ голосъ, первоклассный, идеальный голосъ... Вы совершенно напрасно отрицательно киваете головой и смѣтаетесь—я говорю вамъ какъ знатокъ, какъ человѣкъ понимающій, не могуцій ошибиться. У васъ голосъ, съ которымъ вы можете заткнуть за поясъ любую изъ теперешнихъ знаменитостей. Я также хорошо, какъ и другіе,—если не лучше,—понимаю, что голосъ—это много, очень много, но тѣмъ не менѣе далеко еще не все. Помимо голоса нужна извѣстная музыкальность и школа, очень большая школа. Я не знаю, но думаю, что первое—ухо и вкусъ,—у васъ есть. Во всякомъ случаѣ въ этомъ легко убѣдиться. Второе—школа, т. е. время и средства у васъ будутъ. Весь вопросъ въ вашемъ желаніи—хотите вы, или нѣтъ?

Луганинъ, блѣдный, съ застывшей улыбкой, смотрѣлъ на Соймонова, плохо понималъ, что тотъ говоритъ ему.

— Хочу-ли я? Чего!..

— Чего? Боже мой, славы, извѣстности, средствъ—всего. Понимаете всего, что только можетъ дать талантъ.

— И по вашему, онъ у меня есть этотъ талантъ?

— У васъ есть голосъ, говорю я.

— И вы... вы хотите... предлагаете мнѣ сдѣлаться пѣвцомъ... италіанскимъ теноромъ?

Въ голосѣ Луганина невольно прорывалась нотка полу-насмѣшливаго удивленія. Соймоновъ оставался спокоенъ.

— Да, я вамъ предлагаю попробовать. Предлагаю потому, что убѣжденъ, вѣрю въ васъ. У меня,—извините за выраженіе,—наметанъ глазъ. Въ васъ есть что-то такое, что говоритъ мнѣ, то, за что я васъ считаю.

— А вы меня считаете? переспросил Луганинъ и смѣло взглянулъ на Соймонова.

Въ немъ началъ просыпаться задоръ какой-то, хотѣлось во что-бы то ни стало не смущаться, не робѣть передъ этимъ важнымъ баринномъ.

— Я васъ считаю за счастливца, у котораго въ горлѣ и миллионъ, и слава, и который этого не подозрѣваетъ и не только не подозрѣваетъ, но не хочетъ вѣрить... Впрочемъ, виновать—говоря откровенно, я думаю, что вы мнѣ въ душѣ вѣрите, потому, отчего бы вамъ мнѣ и не повѣрить—но наружно вы это скрываете, упрямитесь, Богъ въсть почему. Правда?

Луганинъ потупился и замаялся.

— Что-жъ? оправился онъ черезъ мгновеніе.—если хотите, то это правда. Я никогда и не думалъ о томъ, что, вотъ, вы теперь говорите, но вѣрю... Представьте, это смѣшно и дико, но я вѣрю, мнѣ кажется, что все это дѣйствительно такъ и стоитъ мнѣ только протянуть руку, какъ всѣ описанныя вами прелести въ нее посыпятся. Это реблчество, угаръ, но...

— Но это все, что мнѣ надо, прервалъ его Соймоновъ,—вы согласны?

— Нѣтъ.

— Но почему?

— Да потому, что все угаръ, арабская сказка. Я—теноръ, оперная знаменитость!.. Буду за-границу,

учиться у профессоровъ, швыряю деньги, кормлю иностранную прессу—вѣдь такова, кажется, программа „всѣхъ знаменитостей“? Но, видите-ли, я не теноръ, а скромный чиновникъ, у котораго на рукахъ братъ и который только одного хочетъ—не ари пѣть, а жить здѣсь, рядомъ вотъ съ этой дѣвушкой, безконечно счастливый тѣмъ, что эта дѣвушка черезъ недѣлю будетъ его женой.

— Все это [я слыхалъ, проговорилъ Соймоновъ и, вставъ со стула, заходилъ по комнатѣ,—все это я слыхалъ и, вѣрять, это не простая любезность,—радъ за васъ и за вашъ выборъ. Но, вотъ, поэтому-то именно я и говорю, что вы должны принять мое предложеніе. Выслушайте меня. Вы оба молоды, любите другъ друга, оба сильны и готовы на все. Но молодость и сила—это не вѣчно. И то, и другое проходитъ очень быстро... Вчера я понялъ изъ вашихъ словъ, что вы надѣетесь на повышение, что вамъ его обѣщали. Допустимъ, что все это такъ и будетъ, допустимъ даже, что судьба и дальне будетъ улыбаться вамъ и все пойдетъ обычной дорогой средняго чиновника, котораго изрѣдка повышаютъ за прилежаніе. Въ концѣ концовъ—и въ лучшемъ, замѣтите, концѣ, вы добьетесь безбѣднаго существованія, кой какой обезпеченности. Но когда? После цѣлаго ряда долгихъ лѣтъ, после всей вашей и вашей жены молодости, которая вся цѣликомъ уйдетъ на лишенія, трудъ, трудъ неблагодарный. Васъ будетъ радовать вашъ первый ребенокъ, второй разстроитъ вашъ бюджетъ, третій... третій отниметъ по куску хлѣба отъ первыхъ двухъ... Вотъ, что ждетъ васъ. Что же предлагаю я вамъ? Я говорю—у васъ есть надежда на блестящую, исключительную будущность, не зарывайте вашего таланта въ землю, пытайтесь, пытайтесь потому, что я дамъ вамъ все—связи, деньги, совѣтъ...

— Братъ милостыню?

— Отнюдь нѣтъ. Все это возьмете только тогда, когда надежда перейдетъ въ несомнѣнную увѣренность. Возьмете, слѣдовательно, тогда, когда будете знать, что годъ-два и вы все отдадите. Я иду дальше и предлагаю вамъ слѣдующее: вы скажите мнѣ гдѣ служите, кто вашъ начальникъ! Я выхлопочу вамъ отпускъ. Вы займетесь здѣсь, въ Петербургѣ, займетесь ровно столько, сколько нужно для того, чтобы вы поняли и увѣрвали въ то, что я говорю вамъ... Согласны?

Луганинъ молчалъ, тяжело, точно послѣ бѣга, дышалъ. Соймоновъ подошелъ къ Ольгѣ.

— Вы любите его. Счастливымъ вы его сдѣлаете и даже сдѣлали уже. Докончите, вложите ему въ руки то, что онъ не рѣшается самъ взять. Я не съ нимъ говорю—съ вами, васъ спрашиваю, согласны вы?

Ольга взглянула на графа и встрѣтилась съ его разгорѣвшимися яркими глазами. Въ нихъ была какая-то странная сила, заставившая ее прошептать:

— Согласна.

— И за него, и за себя?

— И за него, и за себя.

— Значитъ союзъ?—протянулъ онъ ей руку.

Она тихо опустила въ нее свою.

А. Дѣяновъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

«РОБЕСПЬЕРЪ», новая пьеса Сарду. (Театръ «Лицеумъ» въ Лондонѣ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ПРАГА. (Отъ нашего корреспондента). Пишу вамъ подлѣ могучимъ впечатлѣніемъ гастролей г-жи Савиной и ея труппы. Русскихъ артистовъ ожидала въ Прагѣ встрѣча самая радушная, тѣмъ болѣе, что славянскіе гости у насъ принимаются съ сердечностью необыкновенной. Кромѣ того публику взодушевляли извѣстія о громкихъ успѣхахъ г-жи Савиной въ Берлинѣ. И могу васъ увѣрить, что все, что мы ожидали, было не выше того, что мы на самомъ дѣлѣ увидѣли. Г-жа Савина поразила насъ своимъ чуднымъ искусствомъ. Мы видѣли Сару Бернаръ, видѣли и Морджемевскую, и Гадингъ, и Дузе, а все-таки ни одна изъ этихъ звѣздъ современной сцены не нашла у нашей публики такого приѣма, какъ русская артистка. Труппа г-жи Савиной сыграла «Татяну Рѣпину», «Даму съ камеліями» (2 раза) и «Маиоршу», и трудно сказать, въ которой пьесѣ имѣла самый большой успѣхъ. Публика во всѣхъ пьесахъ восхищалась одинаковой прелестной игрой г-жи Савиной и—надо быть справедливымъ!—всей труппы, и ликовала, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Какъ намъ были дороги наши гости изъ Александринскаго театра, вамъ расскажемъ они сами. «Общество журналистовъ» устроило въ честь ихъ великолѣпный раутъ въ залахъ Софійскаго острова, гдѣ собралась вся наша интеллигенція, чтобы показать нашимъ дорогимъ гостямъ, какъ мы ихъ полюбили за эти четыре дня.

D-r Boris Prusik.

Въ Лондонѣ надняхъ шла въ первый разъ т. е. еще до постановки на парижской сценѣ новая пьеса Сарду «Робеспьеръ». Представленіе состоялось 16 (4-го) апрѣля на сценѣ театра «Lyceum». Гг. специальные корреспонденты, которымъ вѣрить, однако, нужно съ большою осторожностью, утверждаютъ, что Сарду никогда еще не написали такого захватывающаго произведенія. Популярный англійскій критикъ Скоттъ въ восторгѣ, главнымъ образомъ отъ исполненія Ирвинга. «Этотъ историческій Робеспьеръ? разсуждаетъ онъ.—Конечно, нѣтъ. Историческому Робеспьеру нечего было бы дѣлать на сценѣ. Но посмотрите, что дѣлаетъ изъ Робеспьера «maitre» Сарду! Какая изобрѣтательность! (И какая пошлость, добавимъ мы). Онъ превращаетъ Робеспьера въ обыкновеннаго любовника, отца незаконнорожденнаго сына. Онъ объясняетъ жестокость зрѣлаго мужа разочарованіями юнаго сердца, и онъ противопоставляетъ Робеспьеру кровожаднаго и Робеспьеру сентиментальнаго въ двухъ превосходныхъ сценахъ.

О «великолѣпнѣ» этихъ сценъ нетрудно судить, если мы сообщимъ читателямъ, что Робеспьеръ осудилъ на смерть своего сына, котораго онъ, разумѣется, не знаетъ. Ахъ, какъ это все старо, и какой сугубый шарлатанъ этотъ господинъ Сарду, съ его quasi историческими мелодрамами!

Впрочемъ, самъ Сарду откровенно объясняетъ секреты

своей творческой «махи-націи». «У моихъ героевъ, объясняетъ онъ интервьюеру—нѣтъ имени. Это безличныя силы: жена, мужъ, любовникъ, если вамъ угодно. Изъ столкновенія этихъ трехъ силъ рождается главное положеніе, составляющее сущность интриги. Моя мысль драматурга работаетъ всегда по этой формулѣ».

Хороша работа, нечего сказать...

Въ недавно вышедшей книжечкѣ Поля Жинисти «Жизнь театра» находимъ не мало интересныхъ и малоизвѣстныхъ у насъ свѣдѣній.

Драматическая цензура существуетъ и во Франціи. Для постановки пьесы нужно получить разрѣшеніе «театральнаго бюро» при министерствѣ изящныхъ искусствъ, другими словами—театральной цензуры, куда, недѣли за двѣ до представленія пьесы, она вносится въ двухъ экземплярахъ, съ точнымъ указаніемъ дня, когда ее предполагается поставить.

Если цензура не имѣетъ никакихъ возраженій, то одинъ изъ экземпляровъ возвращается директору театра накануне представленія; если же пьеса признается «неудобной», то директора и автора приглашаютъ въ бюро и указываютъ имъ на тѣ измѣненія, которыя слѣдуетъ сдѣлать. Конечно, дѣло не обходится безъ торга, но, въ концѣ-концовъ, какъ-нибудь да улаживается. Въ наши дни французская драматическая цензура очень снисходительна: она смущается иногда только слишкомъ рѣзкими политическими выходками, въ остальномъ же предоставляетъ авторамъ полную свободу. Жинисти напоминаетъ по этому поводу удивительные подвиги драматической цензуры временъ второй имперіи,—недавно сдѣлавшіеся извѣстными, благодаря оглашенію протоколовъ цензурнаго бюро,—и приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ, характеризующихъ отношеніе властей къ театру въ это сравнительно недавнее время. Извѣстная пьеса Дюма «Дама съ камеліями» была безусловно запрещена; только личное вмѣшательство императора открыло ей доступъ на сцену. Точно также запрещена была и «Діана де-Лисъ», на томъ основаніи, что «сіе сочиненіе направлено противъ семьи, ибо въ немъ изображаются отрицательныя стороны супружеской жизни; кромѣ того, превратно изображая лицъ высшаго общества, оно можетъ способствовать возбужденію сословной борьбы и вообще—распространенію вредныхъ идей». Запрещенію подвергся и «Король Лиръ», по той причинѣ, что «изображеніе короля безумцемъ и въ рубицѣ не соответствуетъ высокому достоинству королевской власти вообще». Въ пьесѣ «Соборъ Парижской Богоматери», передѣланной изъ романа Виктора Гюго, роль архидіакона Клода Фролло была признана рѣшительно недопустимой. «Бѣдныя львицы» Ожье и Фусье вызвали такое замѣчаніе: «Мы полагаемъ, что въ виду святости брачныхъ узъ и въ интересахъ охраненія семейнаго очага неудобно было бы обнаруживать передъ публикой язву, которая если и существуетъ, какъ исключеніе, въ обществѣ, то, все-таки не должна быть показываема на сценѣ. Не избѣжалъ этой участи и «Фаустъ» въ переводѣ Эньери, въ которомъ наполеоновская цензура усмотрѣла намеки на темныя стороны имперіи: «Можно ли дозволить говорить со сцены о существованіи дѣлага класса людей, находящихся въ систематической оппозиціи съ правительствомъ?» Пьеса Виктора Сежура—«Les Grands Vassaux», въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Людовикъ XI, была запрещена «въслѣдствіе невозможности представить публикѣ государя, совершающаго убійство»,—хотя объ этомъ убійствѣ разсказывалось въ любомъ учебникѣ исторіи. «Маркиза Монтеспанъ» Арсена Уссэ не была допущена на сцену потому, что «выставлятъ на показъ ошибки и увлеченія Людовика XIV—значить покусаться на неуваженіе къ верховной власти»...

Вернувшись изъ цензуры, пьеса должна еще быть просмотрѣна полицейскимъ приставомъ того участка, въ которомъ находится театръ, и только послѣ того можетъ уже беспрепятственно исполняться на сценѣ. Во время этихъ мытарствъ режиссеръ составляетъ афишу. Эта задача не такъ легка,

какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: здѣсь также приходится, во-первыхъ, удачнымъ подборомъ шрифтовъ обратиться къ пьесу вниманіе публики, а во-вторыхъ, считается съ самолюбиемъ актеровъ и особенно актрисъ, которые постоянно жалуются на то, что ихъ имена на афишѣ недостаточно бросаются въ глаза. По установившемуся теперь обычаю, на афишахъ парижскихъ театровъ имена исполнителей печатаются жирнымъ шрифтомъ въ первомъ столбцѣ, а имена дѣйствующихъ лицъ пьесы—простымъ и болѣе мелкимъ шрифтомъ во второмъ столбцѣ; самымъ же крупнымъ шрифтомъ, издали бросающимся въ глаза, печатается названіе пьесы и число ея представлений, а также имена дебютантовъ или гастролеровъ. Когда афиша окончательно составлена и подписана директоромъ театра, ее отсылаютъ въ типографію Мориса, которой принадлежитъ монополія этого печатанія, подобно тому, какъ у насъ всѣ афиши должны печататься въ типографіи Императорскихъ театровъ. После напечатанія ихъ развѣшиваютъ на изищныхъ колоннахъ, находящихся въ наиболее людныхъ мѣстахъ города и носящихъ названіе «Морисовскихъ колоннъ».

Что касается матеріальной стороны дѣла, то она регулируется условіями дирекціи съ авторомъ,—при посредствѣ общества драматическихъ писателей, основаннаго Скрибомъ еще въ 1829 году и считающаго среди своихъ членовъ рѣшительно всѣхъ французскихъ драматическихъ писателей. Обыкновенно, авторское вознагражденіе составляетъ отъ 10 до 15% валового сбора,—смотря по театру; кромѣ того, на первыхъ два представленія автору дается извѣстное число даровыхъ билетовъ; самъ онъ лично имѣетъ право входа въ театръ въ теченіе года, если поставилъ на сцену одинъ актъ, двухъ лѣтъ—за два акта и т. д.; поставивъ шесть актовъ, онъ получаетъ пожизненный даровой билетъ, за 12 актовъ—два такихъ билета и т. д. Кромѣ общества драматическихъ писателей, другимъ постояннымъ кредиторомъ всѣхъ театровъ является бюро общественной благотворительности, которое беретъ въ свою пользу часть валового сбора. Всѣ эти уплаты производятся непременно въ самый вечеръ представленія и ни въ какомъ случаѣ не отсрочиваются, хотя бы только до слѣдующаго дня, такъ что, при малыхъ сборахъ, дирекція часто приходится очень плохо. Зато если пьеса имѣетъ успѣхъ,—театръ благоденствуетъ. Самымъ новѣйшимъ примѣромъ давно небывалаго успѣха служитъ «Сирако де-Бержеракъ» Эдмона Ростана, выдержавшій 400 представлений на сценѣ театра «Porte-Saint-Martin».

Ю. М.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

САРАТОВЪ. Обычный концертный сезонъ близокъ къ концу. Концерты, любительскіе спектакли, камерные вечера и т. п., все это тянулось своимъ обычнымъ порядкомъ. Отсутствовали только постоянный театръ, но что удивительно—сверхъ обыкновенія почти не было зауряднаго у насъ явленія «нашествія иноплемениныхъ». Не заѣхали даже «завсегдатаи» вроде напр. г-жи Альмы Фострестъ, которая, изъ года въ годъ, считала пріятной обязанностью заглядывать въ столицу Поволжья.

Спектаклей состоялось четыре: 28, 29, 30 марта и 4 апрѣля. Ставили пьесы: «Свѣтлѣиша жучекъ» Сарду, «Женихъ изъ ножевой линіи» и ком. фарсъ «Подъ солнцемъ юга» Жуковскаго. Въ «Обществѣ любителей изящныхъ искусствъ» 14 марта членскимъ спектаклемъ шло «Доходное мѣсто», а 25 марта состоялся спектакль на польскомъ языкѣ для мѣстной польской колоніи.

Въ концертной дѣятельности Саратова на первомъ планѣ Д. А. Славянской. Концерты «всемирно-извѣстнаго пѣвца» въ городскомъ театрѣ растаяли на весь постъ съ нѣкоторыми промежутками, пользуясь которыми г. Славянской исчезалъ въ Уральскъ и еще куда-то. Концертовъ было семь, изъ которыхъ одинъ—22 марта въ офицерскомъ собраніи, а остальные—7, 9, 17, 19 и 21 (утромъ и вечеромъ)—въ театрѣ. Денежная «жатва» съ концертовъ порядочная; часть сбора, какъется съ трехъ концертовъ, поступила на цѣли благотворительныя. 7 апрѣля г. Славянской ставитъ «Русскую свадьбу»—Сухонина съ участіемъ любителей народнаго театра, М. Д. Славянской и капеллы.

Не безынтереснымъ, въ художественномъ отношеніи, былъ концертъ въ пользу «Общества вспомошествованія молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію», въ Коммерческомъ клубѣ, 14 марта, съ участіемъ гг. Экснера, Панаева, Миклашевскаго, Салько Адамовскаго и баритона московской оперы П. А. Хохлова. Послѣдній выступилъ без-

возмездно, спѣлъ съ успѣхомъ семь номеровъ и заслужилъ сердечную признательность устроителей вечера. Сборъ былъ очень хорошимъ.

Изъ другихъ концертовъ слѣдуетъ отмѣтить—пианиста и мелодекламатора П. И. Игнатьева, 23 марта и 4 апрѣля—А. В. Рензи—съ его учениками.

Музыкальное Общество постомъ проявило свою дѣятельность устройствомъ четырехъ квартетныхъ вечеровъ—13, 20, 27 марта и 3 апрѣля. По программѣ особенно интересно предпоследнее, гдѣ была исполнена концертъ Баха для трехъ ролей съ аккомпаниментомъ струннаго квартета, Вещь—въ Саратовѣ еще не играная, и говорятъ, что вообще, и въ Россіи нигдѣ она не исполнялась. Публики на квартетныхъ вечерахъ было по обыкновенію много.

На этихъ дняхъ началъ представленіи какой-то невѣдомый циркъ Первиля. Дѣла и въ началѣ, очевидно, не завидны, такъ какъ уже появились заманчивыя зазыванія вродѣ—«Дамы безплатно»—однимъ словомъ обычныя цирковыя комбинаціи, до которыхъ иногда палка бываетъ публики.

Замѣтку закончу сообщеніемъ о томъ, что «Общество любителей изящныхъ искусствъ», по примѣру народнаго театра, тоже собирается отпраздновать юбилей Пушкина. Но кетати, въ то же время, энергично обсуждается вопросъ и о ликвидаціи дѣля Общества. По крайней мѣрѣ на общемъ собраніи членовъ, 3 апрѣля, этотъ вопросъ всесторонне разсматривался. Причина—малочисленность членовъ. Пока что, обсужденіе вопроса сдали въ особую комиссію, которая и представитъ свои выводы къ 1 мая.

Г. Бородай подписалъ съ городомъ еще на два года контрактъ—съ 1 мая 1899 г. и по 1 мая 1901 г. Включены еще условія: г. Бородай обязуется ставить постомъ (четыре недѣли) и съ Пасхи до 1 мая драматическіе спектакли. Порядокъ сезоновъ въ Саратовѣ обычный—начинать драмой, а кончать оперой.

Народный театръ открываетъ сезонъ съ первыхъ дней Пасхи. Начинаютъ «Лѣсомъ» Остроумскаго. Ц.—ш.

АСТРАХАНЬ. Театръ въ саду Полюковича спитъ на лѣтній сезонъ г. Бородаемъ на слѣдующихъ условіяхъ: за театръ г. Полюковичъ получаетъ 100% съ валовой выручки и 15 руб. вечеровыхъ за электрическое освѣщеніе.

КРЕМЕНЧУГЪ. Сезонъ закончился бенефисомъ антрепренера г. Филипповскаго. Поставлена была пьеса «Набатъ» Ге. Театръ былъ переполненъ. Масса подарковъ, тушь, овалы, прочувствованный адресъ отъ труппы, награждали нашего антрепренера за 18-лѣтнюю дѣятельность въ Кременчугѣ. 18-лѣтнее пребываніе въ одномъ городѣ, честная расплата съ артистами—явленіе довольно рѣдкое, дающее г. Филипповскому право на вниманіе театральнаго міра.

СЫЗРАНЬ. Какъ слышно, антрепренеръ г. Бориславскій сдалъ театръ подѣ нѣсколько (съ 13 іюня по 25 іюля) оперныхъ спектаклей труппѣ г. Бородая, которая этимъ лѣтомъ дѣлаетъ по поволжскимъ городамъ турнѣ.

Театръ здѣсь откроется 2 мая.

Составъ труппы г. Бориславскаго до сего времени еще неизвѣстенъ.

ТЮМЕНЬ. Г-жа Антонова со своей труппой не посѣтила нашего города, какъ предполагалось. Причина—отсутствіе сколько нибудь сноснаго помѣщенія для постановки спектаклей. Собственникъ театра-цирка—общество попеченія объ учащихся, запросило съ г-жи Антоновой солидарный купъ—40 рублей за спектакль, что является прямой несообразностью, если принять во вниманіе сборъ въ 200—300 руб.

За послѣднее время цѣлый рядъ любительскихъ спектаклей на сценѣ театра-цирка, по цѣнамъ отъ 10 коп. до 1 руб. 80 коп. Отмѣтимъ любителя П. И. Артынова. Изъ женскаго персонажа—очень немногочисленнаго—могутъ быть отмѣчены любительницы г-жа Петрова и профессиональная актриса, выражающая въ нашемъ городѣ, г-жа Иконникова. Г-жа Петрова снискала симпатіи тюменцевъ, которые по окончаніи сезона преподнесли ей цѣнный подарокъ.

Дѣйствовалъ въ Тюмени еще одинъ драматическій кружокъ во главѣ съ любителемъ г. Амвросовымъ. Почему бы всѣмъ любителямъ не соединиться въ одинъ общій, единый кружокъ, что несомнѣнно принесло бы пользу постановкѣ спектаклей?

Къ намъ ожидается малороссійская труппа г. Сабинина.

Собственникъ театра, городской голова А. И. Текучевъ, вновь открылъ двери своего театра для профессиональныхъ труппъ, вздумавшихъ посѣтить Тюмень. Г. Н. Клавескій.

ПОЛОЦКЪ (Витебской губ.). «Театръ, говоритъ Шиллеръ, есть такое учрежденіе, въ которомъ удовольствіе соединяется съ назиданіемъ, забава съ образованіемъ, въ которомъ ни одна сила души не возвышается ко вреду другой, ни одно наслажденіе не ощущается на счетъ цѣлой жизни». Увы, за исключеніемъ немногихъ городовъ театра у насъ либо совсѣмъ не существуетъ, либо имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, какое ему придаетъ Шиллеръ. Для большинства провинціаловъ театръ просто забава. Взглядъ ихъ на драматическую поэзію и искусство мало разнится отъ взгляда русскихъ людей XVIII в., выраженаго Державинымъ въ «Фелицѣ»:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Къ чему намъ серьезные пьесы, говорятъ провинціалы, и такъ наша жизнь скучна и невесела; дайте намъ что-нибудь веселенькое, чтобы можно было отъ души посмѣяться и пріятно провести вечерокъ. И провинціалы смѣются, но не тѣмъ смѣхомъ, который, какъ говоритъ Гоголь, «углубляетъ предметъ, заставляетъ ярко выступить то, что ускользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка»,—они «смѣются неразборчивымъ, непотребнымъ или глупымъ смѣхомъ», за которымъ чувствуется нѣкоторое неудовольствіе, родъ стыда и упрекъ себѣ, что такъ глупо и пошло проведено время (Д. В. Аверкѣевъ. О драмѣ, Спб. 1883, стр. 325). Да много смѣха у нихъ и быть не можетъ, разъ репертуаръ провинціальныхъ театровъ свелся на постановку фарсовъ.

Два года назадъ на страницахъ «Театра и Искусства» была напечатана прекрасная статья г. Импрессиониста «Звѣриные пьесы» (Фарсъ; его исторія, развитіе, настоящее и вѣроятное будущее). Авторъ совершенно справедливо говоритъ, что «фарсъ, какъ отдѣльный жанръ драматическаго искусства, имѣетъ такое же право на существованіе, какъ карикатура въ живописи... Говорятъ, что и современный фарсъ достигаетъ своей конечной цѣли—и онъ вызываетъ смѣхъ. Да, но смѣхъ этотъ надъ глупостью и пошлостью его, а не надъ остроуміемъ. Смѣхъ этотъ долженъ раздаваться въ циркѣ вокругъ клоуновъ, осыпанныхъ мукой, а не въ стѣнахъ театра». (1897, № 13, стр. 263).

Впервые намъ удалось видѣть фарсъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ въ театрѣ Неметти. Шли «Укротительница звѣрей» и «Кокоша и Тотоса». Театръ былъ биткомъ набитъ. Отъ смѣха стоялъ гулъ, мѣшавшій слушать. Увлеченный общимъ настроеніемъ, я сначала хохоталъ до упаду. Но чѣмъ дольше, тѣмъ комизмъ положеній, одно невѣроятнѣе другого, уменьшалось во мнѣ силу смѣха, и къ концу спектакля я уже пересталъ смѣяться и совершенно равнодушно относился къ смѣху публики, а внутри у меня зарождалось раздраженіе. Да что же это такое? Въ теченіе шести актовъ смѣяться глупымъ смѣхомъ надъ тѣмъ, что людей преображаютъ въ звѣрей, зашивая въ шкуры и заставляя ходить на четверенькахъ, карикатурно изображаятъ учащихся, кладуть въ шкафы и запираютъ спеленатыхъ младенцевъ, держа ихъ головой внизъ? Нсужели въ этомъ задачѣ драматическаго искусства? Я уже не говорю о томъ, что весь комизмъ видѣнныхъ мною фарсовъ былъ пропитанъ атмосферой сладострастія и рассчитанъ на возбужденіе чувственности. Мнѣ жаль было видѣть учащуюся молодежь и даже дѣтей, въ большомъ количествѣ сидѣвшихъ въ театрѣ и получавшихъ *таковъ* развлеченіе не безъ вѣдома родителей, и даже съ родителями. По словамъ Ж. Гюйо, цѣль искусства заставляетъ биться человѣческія сердца. А чего же достигаютъ фарсы?

Но перейду къ нашему городу. Г. Полоцкъ, въ смыслѣ искусства и театра, ничѣмъ не отличается отъ большинства другихъ русскихъ городовъ. Театра у насъ нѣтъ, постоянной труппы также, знаменитости насъ минуютъ. Если къ намъ иногда и пріѣзжаютъ лицедѣи, то это для насъ великая бѣда: они обыкновенно ниже всякой критики, и спектакли ихъ кончаются обыкновенно такъ, что среди обывателей собираются деньги на выѣздъ артистовъ. 15 лѣтъ назадъ былъ у насъ основанъ музыкально-драматическій Кружокъ. Кружокъ имѣетъ цѣлью: а) способствовать развитію музыкальнаго и драматическаго искусства въ средѣ своихъ членовъ, б) доставлять своимъ членамъ и посѣтителямъ пріятное и полезное препровожденіе времени и в) оказывать благотворительную помощь нуждающимся.

За 15 лѣтъ существованія Кружка намѣченныя уставомъ задачи болѣе или менѣе осуществлялись, только устройство музыкальныхъ классовъ осталось на бумагѣ. За это время Кружокъ пережилъ нѣсколько періодовъ. Наиболѣе успѣшна, по слухамъ, была его дѣятельность за первую пять лѣтъ существованія, когда во главѣ стояла покойная Е. М. Тыртова, жена директора мѣстнаго кадетскаго корпуса. Съ 1889 г. дѣятельность Кружка стала ослабѣвать, хотя все же онъ давалъ по нѣскольку спектаклей и музыкальныхъ вечеровъ. Съ 1892 г. Кружокъ заинтересовалась М. А. Елчанинова, жена директора корпуса, избранная впоследствии въ предсѣдательницы, и Кружокъ далъ нѣсколько прекрасныхъ спектаклей. Особенно памятенъ намъ спектакль 26 января 1892 г., когда любителями была разыграна въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пьеса Островскаго «Бѣдность не порокъ». За послѣдніе три года, послѣ отъѣзда М. А. Елчаниновой изъ Полоцка, Кружокъ сталъ хирѣть и еле влачилъ свое существованіе, ограничиваясь изрѣдка постановкой небольшихъ водевилей, всегда однако собиравшихъ многочисленную публику и доставлявшихъ ей, при отсутствіи какихъ бы то ни было развлеченій, большое удовольствіе.

Въ февралѣ текущаго года, благодаря появленію первыхъ силъ, Кружокъ опять воспрянулъ, но, къ сожалѣнію, имѣли свой прежній репертуаръ и занялся постановкой фар-

совъ, этихъ «уродливыхъ благоглупостей», по выраженію г. Импрессиониста. Надо отдать справедливость устроителямъ: они разыгрываютъ ихъ недурно, и нѣкоторые проявляютъ даже недюжинныя способности. Постановка пьесъ, если принять во вниманіе небольшія матеріальныя средства Кружка, очень недурна и ласкаетъ глазъ; это объясняется тѣмъ, что она находится въ рукахъ человѣка со вкусомъ, художника Ю. Ю. Рейнберга, академика и преподавателя рисованія въ кадетскомъ корпусѣ.

Первый спектакль состоялся 6 февраля. Была поставлена оригинальная комедія—шутка въ 3 дѣйствіяхъ «Въ бѣгахъ». С. О. Разсохина и В. П. Преображенскаго. Боже мой, что это за ерунда! Можно пари держать, что изъ публики весьма и весьма немногіе будутъ въ состояніи пересказать послѣдовательно всю путаницу, сплетенную двумя авторами—и будто бы оригинально. Мы сомнѣваемся, чтобы русскій человѣкъ могъ додуматься до *такой* оригинальности—онъ слишкомъ уменъ, и по всей вѣроятности, «Въ бѣгахъ» на столько же оригинальна, на сколько оригинальна пьеса «На маневрахъ», передѣланная С. О. Разсохинымъ изъ «Krieg im Frieden» Мозера, или знаменитыя «Меблированныя комнаты Королева», являющіяся переводомъ «Pension Scholler». Пьеса разыграна была живо, и со всякими *qui pro quo* любители справились безъ запинокъ. Изъ исполнителей мы прежде всего укажемъ на А. С. Васюкову, бойко передающую роль Варвары Александровны Ладневой, энергичной, рѣзкой и ревливой жены, затѣмъ на А. В. Руссета, давняго любимца публики, хорошо изобразившаго неуклюжаго степняка-помѣщика Павла Ивановича Залѣсова. К. Н. Ивановскій, впервые выступившій на полоцкой сценѣ, но уже много разъ игравшій, живо провелъ роль мужа Ладневой и мѣстами былъ очень хорошъ. Игравшая въ первый разъ О. А. Чижъ (Наташа) играла довольно свободно и проявила отчетливую читку. Ю. Ю. Рейнбергъ (племянникъ Залѣсова) поддержалъ ансамбль. За пьесой былъ дивертисментъ: силъ нѣсколько романсовъ Н. А. Васильева, обладающаго небольшимъ, но пріятнымъ *mezzo soprano*, было чтеніе и наконецъ фаворитъ публики, В. А. Давыдовъ, пропѣлъ нѣсколько романсовъ подъ аккомпаниментъ гитары.

20 февраля былъ второй спектакль. Шла оригинальная шутка-фарсъ въ 3 д. «Полкъ солнцемъ юга» Н. В. Коринтъ-Жуковскаго, разыгранная еще лучше, чѣмъ «Въ бѣгахъ». Особенно были хороши А. С. Васюкова въ роли Музы и наша талантливая любительница Л. А. Андриянова, съумѣвшая сыграть безъ шаржа трудную роль Кирины Лукиничны. Ю. Ю. Рейнбергъ (генералъ Ратаевъ) былъ очень типиченъ, несмотря на всю неестественность лица, которое онъ изображалъ. За пьесой были декламация, чтеніе и Н. А. Васильева пѣла романсы. Мы недоумѣвали, зачѣмъ послѣдняя вздумала пѣть серенаду Брага *io-italianски*.

На третьемъ спектаклѣ, состоявшемся 27 февраля, намъ не удалось быть. Были поставлены «Иванъ Ивановичъ виноватъ», комедія-шутка въ 1 д. В. В. Билибина, и «Шашки», шутка въ 1 д. Н. Криницкаго. По отзывамъ публики, обѣ пьесы прошли хорошо.

По дошедшимъ до насъ слухамъ въ близкомъ будущемъ предполагается поставить опять фарсъ. Печально!

Ив. Дологовъ.

КОЗЛОВЪ. Объ окончаніи сезона антрепризой г. Флоровскаго уже сообщалось на страницахъ журнала. Можно добавить, пожалуй, еще, что самъ антрепренеръ г. Флоровскій приговоренъ съѣздомъ судей къ семидневному аресту, за оскорбленіе рецензента «Театр. Изв.». На слѣдующій зимній сезонъ 1899—1900 г. театръ законтрактрованъ сумскимъ антрепренеромъ Г. Г. Леоновымъ за 5,000 руб. съ буфетомъ, вѣшалкой, электрическимъ освѣщеніемъ, отопленіемъ, мебелью и декорациями.

Остатками труппы г. Флоровскаго при участіи проживающей въ г. Козловѣ драматической артистки Н. Н. Калашниковой и любителей былъ данъ спектакль въ театрѣ г. Злобина. Была поставлена извѣстная комедія «Женихъ изъ ножевой линіи». Спектакль прошелъ не безъ ансамбля, но сборъ жалкій. Затѣмъ постомъ Козловъ посѣтили хоры Славянскихъ, преподаватели Тамбовскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества г. Стариковъ (форте.), Роговой (виолонч.) и г. Тартаковъ (баритонъ).

28 марта въ залѣ Общественнаго Собранія состоялся при хорошемъ сборѣ концертъ г. Ондричекъ (скрипка) и г. Веберъ (фортеп.). Чѣмъ руководствуются подобные концертанты при составленіи программы, наполняя ее техническими трудностями?

Предполагалась опретка постомъ, но ее не разрѣшили.

В. Ч—нѣ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ ГОЛЛЕНДЕРА

ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ МОЗОЛЕЙ И БОРОДАВОКЪ.

Самыя застарѣлыя мозоли быстро излѣчиваются при употребленіи мозольной жидкости „ГОЛЛЕНДЕРА“, безъ малѣйшей боли. Цѣна флакона 35 коп.; за 1 рубль почтою высылаютъ въ Европейскую Россію 2 флакона.

Главный складъ лабораторіи Г. Голлендеръ. С. Петербургъ, Разъѣзжая, № 13. Просимъ не смѣшивать съ другими жидкостями, ничего общаго съ нашими имѣющими.

217 (г.—4).

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Парфюмерная лабораторія Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ“

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ДЛЯ НѢЖНОСТИ И ВЪЛИЗНЫ КОЖИ

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ

вазелиновое туалетное.

Поддѣлки вазелиноваго туалетнаго мыла Голлендеръ явились въ продажѣ, а потому торговый домъ „Парфюмерная лабораторія Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, обращая на это вниманіе почтеннѣйшей публики, проситъ всегда требовать, во избѣжаніе покупки поддѣлки, только мыло „Голлендеръ“ вазелиновое туалетное; высокое качество котораго не нуждается въ рекламахъ.

Продажа во всѣхъ городахъ Имперіи, въ аптекахъ, аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ.

Оптовая продажа у изобрѣтателей, С. Петербургъ, Разъѣзжая, № 13, Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ“. 213 (г.—4).

КРАСКА

— ДЛ Я ВОЛОСЪ —

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ.

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе.

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 коп.

Главный складъ А. Энгельдъ, С. Петербургъ, Михайловская площадь № 2. Получать можно вездѣ.

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ

(PATRIE)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. Ѳ. Арбенина. (Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію).

Иллюстрированное изданіе журнала „Театръ и Искусство“, съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, СПб. Моховая, 45.

Продается вездѣ

СЪ РАЗР. С.П.Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПРАВЛ.

ЛУДРА ЮНОСТИ

КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ

ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ НѢЖНОСТЬ И БАРХАТИСТОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУШИТЪ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛЕГАЕТЪ КЪ ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

(г.) № 195

Кто передаетъ или сдаетъ театръ можетъ адресоваться въ С. Петербургъ, Троицкая ул., д. 10. Театральная библиотека Волкова-Семенова литеры С. А. Т. Желательно свѣтъ зимній театръ.

ЛЕКТОРЫ СООТВ. НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

Брошюра бесплатно.

Дмитровскій, 1 (уг. Стремянной).

9 ЯЗЫКОВЪ КУРСЫ ЕЧИНАЦЪ.

Горобка 75 коп. и 40 коп.

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрійскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

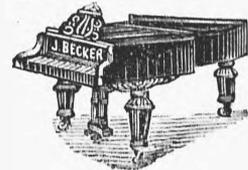
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893 г. ЧИКАГО — дипломъ и медаль.

1894 г. АНТВЕРПЕНЪ — „Grand Prix“.

1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ — Госуд. гер.

1897 г. СТОКГОЛЬМЪ — Золотая медаль и Званіе Поставщика Его Величества Короля Швеціи и Норвегіи.

ПИАНИНО отъ 450 руб.
РОЯЛИ отъ 600 руб.

Только что вышли изъ печати
Хвалебная пѣснь

А. С. ПУШКИНУ

Гимнъ ко дню столѣтія.

Слова Я. П. Полонскаго, музыка

Н. Александрова.

Для смѣшаннаго женскаго и мужскаго хора. Парт. и голоса съ форт. каждое изданіе по 1 р.

Для одного или 2-хъ голос. съ фортеп. по 30 к., безъ форт. по 15 к.

Отдѣльные голоса по 10 к., отд. партитуры по 30 к.

Гимнъ мелодиченъ и очень легокъ для исполненія съ форт. и безъ фортепiano.

„Скорбная лира“

Памяти А. С. Пушкина.

Вальсъ въ 2 руки Н. Зубова. II изданіе 60 коп. Роскошн. изд. съ портретомъ Пушкина и всѣ другія соч. изд. ко дню столѣтія Пушкина, гдѣ и къмъ они не были изданы, имѣются у

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С. Петербургъ, Большо Морская, 34.
Москва, Кузн. мостъ, д. Захаркина.
Высылка съ налож. плат.